

ПОЛТАВСКІЯ**Епархіальныя Вѣдомости.****ЧАСТЬ НЕОФФІЦІАЛЬНАЯ.****Наши псаломщики и мѣры къ поднятію общаго
уровня ихъ.**

Свою статью мы должны начать съ возраженій о Чубову, который высказался по поставленному въ заголовкѣ вопросу въ № 25 „П. Еп. В.“; иначе мы рискуемъ оказаться въ глазахъ читателей подъ тяжестью тѣхъ упрековъ, которые высказаны авторомъ по адресу о. Комарецкаго. „Грустно становится“, пишетъ о. Чубовъ: „когда своя своихъ не познаша“, когда свои же духовныя честятъ на чемъ свѣтъ стоитъ своего же меньшого брата, не предлагая никакихъ мѣръ къ устраненію недостатковъ. Къ числу такихъ фельетонныхъ замѣтокъ нельзя не отнести и статью свящ. о. Комарецкаго: „Вниманію епархіальнаго съѣзда“ („Полтавщина“ № 148,, особенно п. IV, гдѣ рѣчь идетъ о псаломщикахъ. О. Комарецкій видитъ однѣ дурныя стороны въ нашихъ псаломщикахъ: они не умѣютъ пѣть, не знаютъ даже гласовъ и церковнаго устава. Опъ находитъ въ нихъ полное отсутствіе дисциплины и т. д.“.

Едва ли справедливъ упрекъ, брошенный о. Ко- -кому. Вѣдь выяснять отрицательныя стороны псаломщиковъ еще не значить „честить ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ“.

Гораздо хуже будетъ, если мы станемъ закрывать глаза на дѣйствительность и усыплять общественное сознаніе радужнымъ оптимизмомъ. А отъ этой односторонности и бли-

зокъ, по нашему мнѣнію, о. Чубовъ, когда начинаетъ увѣрять, что „наши псаломщики въ огромномъ большинствѣ усерднѣйшіе труженники, смиренные служители храма Господня, преданные дѣлу учителя церковно-приходскихъ школъ и что въ средѣ псаломщиковъ отступленія отъ нормы наблюдаются не чаще, чѣмъ во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни. Но разберемъ обстоятельно всѣ тѣ доводы, которыми подкрѣпляетъ о. Чубовъ свой благодушный взглядъ на псаломщиковъ.

Прежде всего о. Чубовъ указываетъ на свое близкое знакомство съ средой псаломщиковъ. Нѣтъ слова, что наблюденія даже единичнаго лица имѣютъ свою цѣну; но основывать свой взглядъ на предметъ только на однихъ этихъ наблюденіяхъ значитъ разсматривать этотъ предметъ подъ очень узенькимъ угломъ зрѣнія. Если же мы обратимся къ наблюденіямъ и опыту огромной массы духовенства, то окажется, что взглядъ о. Чубова мало отвѣчаетъ дѣйствительности.

Духовенство нашей епархіи лишь только получило возможность доложить Преосвященному Владыкѣ о своихъ нуждахъ, чуть ли не на первую очередь выдвинуло вопросъ о псаломщикахъ. Здѣсь кстати будетъ сказать, что вновь и о. Комарецкій въ данномъ случаѣ выражалъ не свой только личный взглядъ на псаломщиковъ, но взглядъ, опредѣлившейся на собраніи духовенства VI округа, Роменскаго уѣзда; въ свою очередь этотъ взглядъ благочинія указаннаго округа стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ ходатайствъ, выработанныхъ на собраніяхъ духовенства другихъ уѣздовъ и представленныхъ на имя Его Преосвященства. (Рѣчь идетъ о собраніяхъ духовенства, предшествовавшихъ прошлому епархіальному сѣзду). Вопросъ о псаломщикахъ обсуждался также и на прошломъ епархіальномъ сѣздѣ; къ сожалѣнію, отчасти за недостаткомъ времени, а еще больше вслѣдствіе неподготовленности къ разрѣшенію вопроса о. о. депутатовъ, — сѣздомъ не выработаны мѣры къ его разрѣшенію, и задача эта почти всецѣло оставлена на долю будущаго сѣзда; тѣмъ не менѣе и въ частныхъ бесѣдахъ о. о. депутатовъ и на одномъ изъ заведеній сѣзда достаточно выяснилось, что пинѣшій контингентъ псаломщиковъ въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію и что крайне необходимы мѣры

къ поднятію общаго уровня ихъ. То же самое говорить, наконецъ, и духовная печать *).

Строго говоря, послѣ всего только что сказаннаго, взглядъ о. Чубова можно было бы считать поколебленнымъ, но, чтобы не навлечь на себя со стороны автора упрека въ замолчаніи другихъ его доводовъ, разберемъ и эти послѣдніе; тѣмъ болѣе, что для читателя, желающаго внимательно ориентироваться въ поднятомъ вопросѣ, это не можетъ не представить нѣкотораго интереса.

Въ подкрѣпленіе своего взгляда о. Чубовъ совершаетъ маленькую экскурсію въ область историческихъ заслугъ нашихъ псаломщиковъ, причемъ ссылается между прочимъ и на мой трудъ: „Южно-русскій дьякъ и приходская школа въ 17 и первой половинѣ 18 столѣтія“. Если уважаемый о. Чубовъ сдѣлалъ мнѣ честь, хотя бы въ примѣчаніи, сослаться на мой трудъ, то я позволю себѣ изъ этого же труда напомнить ему въ двухъ словахъ и ту исторически-бытовую обстановку, въ которой выработывался и „дѣйствовалъ“ старинный „панъ-дьякъ“. Въ ту пору добиться званія „панъ-дьякъ“ было далеко не такъ легко, какъ теперь. Для этого нужно было пройти длинный и тернистый путь дьяка „мадрованнаго“; нужно было обладать желѣзной волей и несокрушимой энергіей, чтобы въ теченіе многихъ лѣтъ, переходя изъ школы въ школу, отъ одного „панъ-дьяка“ къ другому, пріобрѣсти необходимыя для себя свѣдѣнія и знанія, постигнуть всю глубину „дьячковской мудрости“ и стяжать жизненный опытъ, столь необходимый для того, чтобы умѣть жить и ладить съ избравшей громадой. Мало того: нужно было обладать большимъ запасомъ терпѣнія и

*) Характерный взглядъ на псаломщиковъ опредѣлился на Минскомъ епархіальномъ съѣздѣ. По взгляду Минскаго духовенства, псаломщикъ это домашній врагъ, приставленный къ священнику консисторіей. Псаломщикъ компрометируетъ духовенство безобразной жизнью и почти всегда занимается доносами на священника. Въ виду этого, съѣздъ высказался за то, чтобы назначеніе псаломщика зависѣло отъ священниковъ, точно также какъ назначеніе органистовъ у ксендзовъ. Конечно, взглядъ Минскаго съѣзда страдаетъ односторонностью и даже дышитъ озлобленіемъ противъ псаломщиковъ, но все же трудно допустить, чтобы это озлобленіе возникло безпричинно. Болѣе корректный взглядъ на псаломщиковъ можно встрѣтить въ №№ «Церк. В.» за послѣдніе годы; въ «Ц. В.» (Беседа епископа Могилевскаго Стефана съ о. о. депутатами епархіальнаго съѣзда) и т. д.

тонкой „дипломатичностью“, чтобы сумѣть провести свою кандидатуру въ громадѣ и восторжествовать надъ цѣлымъ десяткомъ такихъ же жаждущихъ мѣста претендентовъ.

Иной неудачникъ такъ и не выбивался цѣлую жизнь изъ дьяковъ „мандрованныхъ“, не улучивъ счастливаго момента „выдраться въ люди“. Но зато тотъ, кто добивался своей цѣли, являлся уже человѣкомъ закаленнымъ жизнью и вполне отвѣчавшимъ предъявляемымъ къ его профессіи требованіямъ времени.

Таково было прошлое нашихъ псаломщиковъ; но между этимъ прошлымъ и настоящимъ лежитъ слишкомъ рѣзкая грань; нынѣшній псаломщикъ совершенно переродился; личныя условія жизни слишкомъ удалили его отъ своего прототипа, — и кромѣ Крыловскаго: „наши предки Римъ спасли“, нѣтъ другихъ основаній вмѣнять нынѣшней средѣ псаломщиковъ заслуги отдаленныхъ предковъ.

Что же касается ссылки о. Чубова на отчетъ о. епархіальнаго наблюдателя, которымъ аттестуется 172 хорошихъ учителей—клириковъ, то относительно этого нужно сказать, что было бы ужъ черезчуръ печально, если бы на 2 тысячи псаломщиковъ епархіи не нашлось 172 хорошихъ псаломщиковъ. И не 172, а гораздо больше, можетъ быть, окажется въ епархіи такихъ псаломщиковъ; однако, если мы желаемъ дать занимающему насъ вопросу болѣе или менѣе общую и безпристрастную постановку, то отправная точка зрѣнія должна покоиться на подавляющей массѣ псаломщицкой среды, а не на совершенно неравномѣрной ея группѣ.

Съ этой стороны мало убѣдительности представляетъ и указаніе о. Чубова на то, что многіе псаломщики достигаютъ діакопскаго и даже іерейскаго сана.

Очень сомнительнымъ, наконецъ, кажется намъ и послѣдній аргументъ, приводимый имъ въ подтвержденіе своего взгляда. Исходя изъ текста: „всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые, ни худое дерево плоды добрые“, — о. Чубовъ вслѣдъ затѣмъ заключаетъ: „если псаломщики язва, то и дѣти ихъ ни на что неспособны. Не то говорить намъ дѣйствительность... Чьи были сыновья блаженной памяти: епископъ Виссаріонъ, митрополитъ Иннокентій“ и т. д. Слѣдуя за авторомъ, мы незамѣтно для себя можемъ очутиться въ такъ называемомъ ложномъ логическомъ кругѣ, вращаясь въ которомъ мы

рискуемъ сдѣлать цѣлый рядъ умозаключеній, совершенно не соответствующихъ своимъ посылкамъ.

Въ заключеніе о Чубовѣ совершенно правильно и справедливо рисуетъ чрезвычайно неблагопріятныя и тяжелыя условія служебнаго и вообще житейскаго положенія псаломщиковъ, — условія, далеко не способствующія духовному росту послѣднихъ. Дѣйствительно, эти условія — убійственны; жизненная обстановка псаломщиковъ тяжела и непріятна, и нѣтъ ничего удивительнаго, если, подѣ гнетомъ ея, уродуются люди даже съ хорошими природными задатками. Несомнѣнно, здѣсь кроется одна не изъ послѣднихъ причинъ того печальнаго явленія, что преобладающій типъ псаломщества носитъ такія чисто отрицательныя черты.

Но если мы желаемъ установить главную причину этого явленія, мы должны разсмотрѣть тѣ общественные элементы, изъ которыхъ слагается среда псаломщиковъ. Попробуемъ очертить эти элементы по крайней мѣрѣ самыми общими и короткими штрихами.

Прежде всего опустимся на самое „дно“ псаломщицкой среды. Здѣсь мы встрѣчаемъ по меньшей мѣрѣ десятокъ фамилій, которыя пріобрѣли широкую и печальную извѣстность по всей епархіи. Это своего рода „мандрованные дьяки“, перемѣнившіе за время своей службы приходоу 15, 20, а то и больше. Какъ волки, они рыскаютъ съ прихода на приходъ, не уживаясь ни съ однимъ священникомъ и всюду поселяя раздоръ и смуту. Путемъ многолѣтней практики они до виртуозности изоцрились въ сутяжничествѣ и пакостничествѣ, и какимъ-то чудомъ почти всегда успѣваютъ выходить сухими изъ воды, нерѣдко загрязнивъ еще священника, а не то возстановивъ противъ него приходъ. Одно извѣстіе о назначеніи такого псаломщика на приходъ повергаетъ приходскаго священника въ ужасъ и трепетъ, а появленіе его въ приходѣ составляетъ несчастье, надолго нарушающее мирное теченіе приходской жизни. И эта разнуданная „сила“ и понынѣ продолжаетъ шествовать съ прихода на приходъ, всюду оставляя за собой слѣды разрушенія. (Да не подумаетъ читатель, что этотъ отзывъ о „днѣ“ псаломщества объясняется личными счетами съ псаломщиками. Все время службы пишущаго эти строки проходитъ съ однимъ псаломщикомъ, о которомъ ничего дурнаго нельзя сказать).

За „низамн“ псаломщества слѣдуетъ огромная шеренга всякихъ недоучекъ, отбросовъ учебныхъ заведеній, „выучениковъ“ монастырей и хоровъ и т. д., — словомъ, всякаго рода жизненныхъ неудачниковъ, которые, не сумѣвъ пристроиться ни на какомъ поприщѣ, избрали должность псаломщика, какъ послѣднюю ставку на жизненномъ полѣ Мы спрашиваемъ: какимъ образомъ въ этой средѣ преобладающимъ элементомъ могутъ являться люди съ болѣе или менѣе прочными нравственными устоями, съ осмысленными и разумными взглядами на жизнь, людскія отношенія, служебный и нравственный долгъ и т. д. Нѣтъ слова, что встрѣтятся здѣсь и хорошіе люди, но, конечно, это будутъ только отдѣльныя личности; общій же уровень этой массы не можетъ быть высокъ, какъ сумма не можетъ быть болѣе своихъ слагаемыхъ. Сплошь и рядомъ вы встрѣтите въ этой средѣ людей озлобленныхъ и ожесточенныхъ жизнью; усматривающихъ въ священникѣ врага себѣ лишь только потому, что священникъ является въ отношеніи псаломщика начальникомъ, предъявляющимъ извѣстныя служебныя требованія. Вы можете встрѣтить здѣсь людей съ мелочно-развитымъ, чисто болѣзненнымъ самолюбіемъ, готовыхъ изъ-за личныхъ счетовъ со священникомъ всякими способами подрывать достоинство и авторитетъ самого священства и т. д. О лѣности, нерадивости къ службѣ, небрежности къ своему дѣлу и всякихъ другихъ человѣческихъ немоцахъ и говорить нечего. Но пусть только не подумаетъ читатель, что, указывая недостатки псаломщиковъ, мы изрекаемъ нравственный судъ надъ ними, дерзко и безъ права вскарабкавшись на пьедесталь человѣческихъ добродѣтелей и съ высоты его созерцая нашу меньшую братію. Нѣтъ, мы слишкомъ далеки отъ этого и прежде всего потому, что всѣ мы люди, всѣ человѣцы, и никто изъ насъ не можетъ похвалиться своими совершенствами; наоборотъ: у всякаго найдутся свои слабости. Иная цѣль имѣлась нами въ виду. Намъ хотѣлось подчеркнуть крайнюю ненормальность такого положенія дѣла, когда контингентъ церковно-служителей пополняется, какъ говорится, съ бору да съ сосенки, т. е., говоря другими словами, пополняется элементами случайными и сомнительными. Правда, что и жизненнымъ неудачникамъ нужно же гдѣ нибудь пристроиться, какъ правда и то, что эти, нерѣдко помимо своей воли, обиженные судьбой люди заслу-

живають особливою снисходительности и участія къ нимъ, --- но тѣмъ не менѣе филантропическимъ соображеніямъ не могутъ быть принесены въ жертву мотивы общественной важности. Филантропія должна осуществлять свои цѣли болѣе цѣлесообразными средствами.

За указанной, къ слову сказать, самой многочисленной группой псаломщества слѣдуютъ псаломщики стариннаго закала: это, такъ сказать, послѣдніе мѣгикане, послѣдніе отпрыски замѣтно вымирающаго типа старинныхъ дьяковъ. Они малограмотны, почти нигдѣ не учились, не способны къ письмоводству, плохо читаютъ и поютъ; но, за немногими исключениями, они религіозны, благоговѣйно настроены, цѣнимы высокімъ уваженіемъ къ своей службѣ и почтительны къ священнику. Они съ головой погружены въ хозяйство и мелочи домашняго обихода; очень близки съ прихожанами, водятъ съ ними хлѣбъ-соль, и съ доброй половиной прихода состоятъ въ кумовствѣ, сватовствѣ или же просто такъ въ добромъ пріятельствѣ. Вѣроятно, изъ такого приблизительно типа псаломщиковъ семей и выходили Виссаріоны, Иннокентіи, Болотовы и т. д.

Наконецъ, „верхи“ псаломщества составляютъ семнаристы; но это элементъ временный, быстро мѣняющійся и мало живущій жизнью настоящаго псаломщика, а потому распространяться о нихъ не входитъ въ нашу теперешнюю задачу.

Между этими главными группами псаломщества существуетъ нѣсколько промежуточныхъ, но послѣднія трудно поддаются болѣе или менѣе обстоятельной характеристикѣ, такъ какъ эти группы слишкомъ дробятся въ пестротѣ и разнообразіи своихъ общественныхъ оттѣнковъ.

Такова въ общихъ чертахъ среда псаломщиковъ или, правильнѣе сказать, такую она представляется намъ лично. Намъ скажутъ: но вѣдь и среди священниковъ встрѣчаются очень дурные люди, которые по своимъ нравственнымъ качествамъ стоятъ не выше любого неблаговиднаго псаломщика и которые самымъ растлѣвающимъ образомъ влияют на своихъ псаломщиковъ. Это--- правда; и среди священниковъ встрѣчаются, къ несчастью, дурные люди, но тѣмъ не менѣе общій процентъ отрицательныхъ типовъ пастырства не можетъ быть такъ высокъ, какъ въ средѣ псаломщиковъ, не можетъ быть высокъ такъ потому, что среда священни-

ковъ пополняется болѣе тщательно и цѣлесообразно; пополняется въ большинствѣ случаевъ людьми нормальнаго уровня, а потому эта среда является несоизмѣримо культурнѣе, образованнѣе и выше по своимъ достоинствамъ, чѣмъ среда псаломщиковъ.

Если же время предъявляетъ къ священнику повышенныя требованія, то онъ вправѣ желать въ лицѣ псаломщика вмѣстѣ не врага себѣ и своему дѣлу, а пособника, облегчающаго по мѣрѣ силъ своихъ достиженіе приходскихъ задачъ. Наступаетъ время „брани“ и напряженной работы; нашъ горизонтъ заволакиваютъ со всѣхъ сторонъ зловѣщія тучи,---и мы должны внимательно разглядѣть развѣдающія нашъ организмъ язвы и искать средствъ къ залѣченію ихъ, потому что только здоровый организмъ можетъ безпаказанно переносить рѣзкія колебанія температуры. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о псаломщикахъ долженъ быть отнесенъ къ тому длинному ряду вопросовъ нашей церковно-общественной жизни, съ разрѣшеніемъ которыхъ намъ нельзя медлить.

Какія же возможны мѣры для поднятія общаго уровня псаломщиковъ?

Мѣры эти должны быть направлены: во-первыхъ, къ изысканію возможности болѣе нормальнаго пополненія контингента псаломщиковъ и, во-вторыхъ, къ улучшенію ихъ служебнаго и вообще житейскаго положенія.

Потребуемъ высказать нашъ взглядъ по этимъ вопросамъ.

При учрежденіи Лубенской братской школы имѣлось въ виду, что она будетъ готовить достойныхъ кандидатовъ на псаломщицкія мѣста. Но, къ сожалѣнію, за время своего довольно продолжительнаго существованія школа не только не оправдала возлагаемыхъ на нее ожиданій, но наоборотъ—возбудила среди духовенства почти всеобщее недовѣріе. На прошломъ епархіальномъ съѣздѣ выяснилось, что по существу среди духовенства взгляду, эта школа совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію и что духовенство чрезвычайно тяготеетъ крупной и непроизводительной ежегодной затратой на эту школу. Такимъ образомъ ставится неизбежной такая альтернатива: или же нужно реорганизовать эту школу на совершенно новыхъ началахъ, или же нужно прекратить ежегодные взносы на школу и учредить при семи-

наріи или одною изъ духовныхъ училищъ *причетническіе классы*. Но является вопросъ: возможно ли прекратить эти взносы, если послѣдними, какъ оказывается, обусловлено со стороны Св. Синода самое учрежденіе этой школы? Полагаемъ, что это затрудненіе легко устранимо, если въ ходатайствѣ предъ Св. Синодомъ объ отмѣнѣ этихъ взносовъ указать достаточно вѣскіе доводы для приведенія Лубенской школы въ обычныя условія существованія второклассныхъ школъ. Такъ или иначе, но будущему сѣзду необходимо покончить съ этими безцѣльными ежегодными взносами на школу.

Что же касается причетническихъ классовъ, то вопросъ о нихъ не разъ поднимался на страницахъ духовной печати, и повидимому въ нѣкоторыхъ епархіяхъ вопросъ этотъ близокъ къ разрѣшенію. Эти классы должны открыть свои двери выбывающимъ по тѣмъ или другимъ причинамъ изъ семинаріи, духовныхъ училищъ и вообще всѣмъ лицамъ, желающимъ занять псаломщицкое мѣсто и обладающихъ достаточной подготовкой къ прохожденію курса классовъ. Питомцы этихъ классовъ должны получить здѣсь не только основательную подготовку къ псаломщицкой службѣ, но и общегословское образованіе въ предѣлахъ, доступныхъ способностямъ и развитію ихъ. При такихъ условіяхъ причетническіе классы будутъ ежегодно поставлять для епархіи нѣкоторый комплектъ хорошо подготовленныхъ псаломщиковъ.

Но нечего и говорить, что при обширности нашей епархіи этого комплекта окажется недостаточно; а потому очень желательно, чтобы къ занятію псаломщицкихъ должностей былъ возможно шире открытъ доступъ учителямъ школъ церковно-приходскихъ и грамоты. Но эта мѣра *только тогда* будетъ вполнѣ достигать своей цѣли, если выборъ и рекомендація кандидатовъ на псаломщицкія мѣста будетъ принадлежать *пастырскимъ собраніямъ* благочинническихъ округовъ. Кстати сказать, это будетъ первый переходной шагъ къ выборности духовенства. Какъ извѣстно, епископъ Могилевскій, Стефанъ уже привлекъ благочинническіе совѣты къ выбору и рекомендаціи кандидатовъ на священно-церковно-служительскія мѣста. Конечно, это мѣра переходного свойства, тѣмъ не менѣе она представляетъ собой явленіе большой

важности, и нужно очень пожалѣть, что духовная печать, на сколько, разумѣется, мы имѣемъ возможность слѣдить за ней, не отмѣтила этого явленія въ той степени, какой оно заслуживало. Но если бы Преосвященный Владыка Стефанъ привлекъ къ выборамъ и рекомендаціи на священно-церковно-служительскія мѣста не благочинническіе совѣты, а пастырскія собранія округовъ,—это былъ бы еще болѣе важный шагъ впередъ. Отсюда недалеко уже было бы и до участія въ этихъ выборахъ и рекомендаціи и *представителей отъ прихода*. Тогда въ полной мѣрѣ осуществился бы каноническій принципъ выборовъ: *участіе клира и мірянъ*,—и возглашаемое при рукоположеніи „аксіось“ не носило бы характера известной ритуальности, а приобрѣло бы прежній, глубокій, внутренний смыслъ.

Но возвратимся къ псаломщикамъ. Чрезвычайно желательны для нихъ краткосрочные и, по крайней мѣрѣ, время отъ времени устраиваемые *курсы*, которые могутъ внести много просвѣта въ непримечательную и малоотрадную долю псаломщика и которые могутъ оказать на него самое освѣжающее и облагораживающее вліяніе. Ужъ слишкомъ сѣренька и безотраднa жизнь псаломщиковъ; слишкомъ мало они видятъ свѣта, тепла и ласки; слишкомъ рѣдко судьба даритъ этихъ пасынковъ своихъ улыбкой счастья... И если программа курсовъ будетъ направлена не только къ тому, чтобы усовершенствовать въ псаломщикахъ чтецовъ и пѣвцовъ церковныхъ, но и къ тому, чтобы расширить ихъ умственный и нравственный кругозоръ, просвѣтлить и возвысить ихъ міросозерцаніе и приобщить ихъ къ пониманію курса церковно-общественной жизни и налагаемыхъ на духовенство задачъ,—такіе курсы будутъ, несомнѣнно, встрѣчены псаломщиками съ искренней радостью и сочувствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: забыть эти такъ намозолившіе мозгъ и сердце мѣдныя копѣйки, оставить такъ надоѣвшее испещреніе подписями просфоръ, забыть горе, лишенія, житейскія дразги—и по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней перенестись въ свѣтлую храмину знанія, свѣта, живого и любовнаго слова—да вѣдь это такая захватывающая перспектива, которая заманчиво улыбнется не только псаломщикамъ, но и священникамъ. Вѣдь тамъ, вдали, въ той увле-

кательно вырисовывающейся храниль—тамъ настоящая „купель“ омовенія отъ засасывающей и облипающей насъ со всѣхъ сторонъ черной накипи жизни!...

Очень желательно также для псаломщиковъ облегченіе полученія ими *діаконскаго сана*. Замѣчено, что этотъ санъ не только вліяетъ благотворно на удостоившагося его псаломщика, но и повышаетъ уваженіе къ послѣднему прихожанъ. Кромѣ того, діаконскій санъ значительно сглаживаетъ разницу служебнаго положенія между настоятелемъ и низшимъ членомъ клира, способствуетъ установленію болѣе правильныхъ служебныхъ отношеній среди нихъ и, наконецъ, болѣе приобщаетъ псаломщика къ интересамъ пастырской дѣятельности. Діаконскій санъ до нѣкоторой степени способствуетъ улучшенію и матеріальнаго положенія низшаго члена клира. такъ такъ діакону прихожане болѣе удѣляютъ „отъ своихъ щедротъ“, чѣмъ псаломщику; но, главное конечно, то, что полная доступность положенія діаконскаго сана можетъ служить для псаломщиковъ постояннымъ импульсомъ добросовѣстнаго и честнаго выполненія своихъ обязанностей; тогда какъ теперь многіе псаломщики, считая свою „карьеру“ совершенно законченной, мало думаютъ о своемъ усовершенствованіи въ области службы. о. Чубовъ скорбитъ о томъ, что псаломщиковъ почти не награждаютъ. Не о томъ намъ нужно скорбѣть, что не награждаютъ псаломщиковъ, а о томъ, что награждаютъ насъ, саященниковъ. Какъ мало даютъ эти награды истинной отрады сердцу, но сколько вносятъ въ нашу „апостольскую“ среду тщеславія, мелкой зависти, подслуживаній, происковъ—словомъ нравственнаго разложенія. Діаконскій санъ и будетъ лучшей и единственной наградой для псаломщиковъ, наградой, которую желательно видѣть доступной для всякаго псаломщика, добраго по поведенію и честно выполняющаго свое дѣло. Чѣмъ больше будетъ діаконствъ на приходахъ, тѣмъ это лучше будетъ и для священниковъ, которые будутъ облегчены въ своихъ трудахъ, а также и для прихожанъ, очень любящихъ торжественность богослуженія, значительно усиливаемую участіемъ діакона. Практическихъ затрудненій совмѣстительство діаконской и псаломщицкой службы также не встрѣтитъ,

акъ какъ въ настоящее время почти во всѣхъ приходяхъ существуютъ хоры, которые могутъ пропѣть литургію самостоятельно; гдѣ же нѣтъ хоровъ, тамъ почти всегда есть тѣбители—церковники, знающіе церковный уставъ и охотно выступающіе въ роли псаломщика въ отсутствіе послѣдняго.

Что касается улучшенія матеріальнаго положенія псаломщиковъ, то, очевидно, это можетъ быть достигнуто не раньше, чѣмъ разрѣшится вопросъ объ обезпеченіи жалованьемъ духовенства вообще. Какъ частичную же мѣру нельзя не отмѣтить примѣняемое Преосвященнымъ Владыкой Иоанномъ постепенное упраздненіе вторыхъ псаломщицкихъ мѣстъ. Мѣру эту нельзя не привѣтствовать. Вторые псаломщики—это роскошь, съ которой духовенство можетъ разстаться не только безъ сожалѣнія, но и съ явной матеріальной выгодой для остальныхъ членовъ клира.

О. Чубовъ достаточно ярко очертилъ крайне непроглядную служебную и вообще житейскую обстановку жизни псаломщика, нерѣдко ухудшающуюся вслѣдствіе высокоомѣрнаго отношенія къ нему его начальства и даже именитыхъ прихожанъ. Тепло звучать эти строчки о. Чубова и очень близки онѣ къ дѣйствительности. Дѣйствительно, въ нашей средѣ, къ несчастью, встрѣчаются, (правда, рѣдко очень) священники—одержимые ли природной жестокостью или же просто болѣзненно-неуравновѣшенные люди, которые не признаютъ въ псаломщикѣ никакого человѣческаго достоинства и выживаютъ изъ своего прихода цѣлые десятки псаломщиковъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ будто имѣютъ дѣло съ неодушевленными предметами. Служба съ такимъ настоятелемъ обращается для псаломщика въ какую-то нравственную клоаку обидъ, притѣсненій, издѣвательствъ. Большой грѣхъ ляжетъ на душу тѣхъ о.о. благочинныхъ, которые безмолвствовали, когда на ихъ же глазахъ священники завѣдомо ненормальнаго душевнаго строя учиняли систематическую травлю своихъ псаломщиковъ, выживая ихъ иногда по нѣскольку въ годъ. А вѣдь такіе факты были, да, навѣрное, и теперь есть. Крайне необходимо для духовенства *братскій судъ*, который, несомнѣнно, будетъ располагать такими элементами нравственной правды, какіхъ часто не оказывается

въ отдѣльныхъ личностяхъ; но объ этомъ судѣ мы скажемъ ниже.

Теперь же намъ хочется остановиться на вопросѣ: почему у насъ псаломщики не приглашаются для участія въ пастырскихъ собраніяхъ? Кто лишилъ ихъ права участвовать въ избраніи депутатовъ и другихъ выборныхъ лицъ? Отвѣтъ одинъ: слишкомъ недавно у насъ, въ епархіи, положенъ предѣлъ благочинническому „хотѣнію“. Въ тѣхъ же епархіяхъ, гдѣ „автономія“ благочинныхъ устранена раньше, тамъ псаломщики участвуютъ и въ выборахъ, и въ пастырскихъ собраніяхъ. Да это совершенно и понятно. Если мы желаемъ имѣть въ лицѣ псаломщиковъ пособниковъ себѣ, — мы не должны удалять ихъ отъ общенія съ нами, не должны лишать ихъ того духовнаго питанія, какое могутъ давать наши пастырскія собранія. Правда, скудно у насъ это „питаніе“, такъ скудно, что и сами-то мы живемъ впроголодь; но что имѣемъ, тѣмъ и подѣлимся. Нѣтъ слова, псаломщики мало доросли до активнаго участія въ нашихъ собраніяхъ, но вѣдь они и не дорастутъ никогда, если мы не станемъ приближать ихъ къ тѣсному общенію съ нами.

Перейдемъ теперь къ такъ называемымъ, по консисторской терминологіи, „мѣрамъ взысканія и исправленія“ псаломщиковъ, т. е. эпитеміямъ въ монастырѣ и денежнымъ штрафамъ. Этимъ мѣрамъ исправленія и взысканія псаломщики подвергаются за поступки противъ ст. 186 уст. дух. консист. (оскорбленіе священника словами), ст. 187 того же уст. (за нетрезвость) и т. д. Нарушеніе указанныхъ статей совершается псаломщиками наиболѣе часто и поэтому интересно выяснитъ, насколько успѣшны „мѣры исправленія“, налагаемыя за поступки противъ указанныхъ статей консист. устава. По нашему глубокому убѣжденію, эпитемія въ монастырѣ также мало можетъ исправить псаломщика, какъ тюрьма преступника. Принуждаемый монастырскимъ начальствомъ рубить дрова и исполнять другія черныя работы, псаломщикъ возвращается на приходъ озлобленный, ожесточенный, съ неукротимою тайною жаждою мести къ виновнику своего униженія — священнику. Наученный горькимъ опытомъ онъ теперь будетъ всячески избѣгать дать священнику формальный по-

воду для новой жалобы; но всюду, гдѣ только явится возможность, онъ уже навѣрное не преминетъ учинить священнику подпольную гадость, а въ особенности возбудить противъ него неудовольствіе прихожанъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: во имя какихъ нравственныхъ принциповъ этотъ псаломщикъ можетъ сдержатъ такъ свойственные людямъ порывы мести?

Тоже самое можно сказать и относительно денежныхъ штрафовъ. Глухая злоба залегаетъ послѣ этихъ штрафовъ въ сердце псаломщика и она перѣдко прорывается во всѣхъ мелочахъ служебныхъ отношеній. Совмѣстное „молитвенное предстательство“ обращается перѣдко въ какую то нравственную пытку, переносимую и той и другой стороной съ глубокими страданіями. Но консисторія, исполнивъ роль карающей Немезиды, будетъ безстрастно относиться ко всему этому до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ формальный поводъ для новаго слѣдствія. Нѣтъ, плохія мѣры исправленія—эти штрафы и апитиміи. По нашему убѣжденію, для псаломщиковъ существуетъ только одна формальная мѣра исправленія: переводъ на другой приходъ, и только одна мѣра наказанія—отрѣшеніе отъ мѣста. Но не компетенціи консисторіи должно принадлежать примѣненіе этихъ мѣръ и вотъ почему. Область служебныхъ отношеній (какъ и вообще человѣческихъ отношеній) слагается изъ факторовъ вишняго и внутренняго свойства,—и если консисторскій уставъ можетъ до пѣкоторой степени урегулировать вишнюю форму служебныхъ отношеній,—то онъ совершенно безсиленъ передъ внутренней стороной этихъ отношеній. Мало того: во имя формальной правды этотъ уставъ можетъ иногда произвести опустошенія въ области этихъ внутреннихъ отношеній. Такъ, напр., ст. 202 консист. устава гласитъ: „дѣла объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ духовными лицами, если сіе было соединено съ поступкомъ, противнымъ достоинству духовнаго сана, не останавливаются примиреніемъ оскорбленнаго съ оскорбившимъ; епархіальное начальство не прекращаетъ сихъ дѣлъ и подвергаетъ виновныхъ взысканію соотвѣтственному поступку“. Теперь представимъ себѣ такой случай, подобныхъ которому можетъ встрѣтиться много. Священникъ былъ оскорбленъ псаломщикомъ словами—при исполненіи обязанностей.

Послѣ подачи жалобы, псаломщикъ, сознавъ свою вину, испросилъ у священника прощенье—и между ними состоялось самое искреннее примиренье. Священникъ просить прекратить по жалобѣ дѣлопроизводство, но консисторія по силѣ 202 ст. этого не можетъ сдѣлать. Слѣдуетъ формальное слѣдствие и наложеніе на псаломщика денежнаго штрафа, благодаря чему въ установившіяся было добрыя отношенія забрасывается зерно глухой неприязни къ священнику, который, по понятіямъ псаломщика, простить простилъ, а къ наказанію привлекъ своимъ порядкомъ. Расчитывала ли консисторія на такой результатъ „мѣры исправленія“? Можетъ быть, но не выгоlnить 202 ст. она не имѣла права. Нѣтъ, не консисторія должна быть судилищемъ нашихъ служебныхъ отношеній. Этимъ судилищемъ должны быть наши пастырскія собранія, которыя могутъ обладать всѣмъ необходимымъ, чтобы произвести судъ „скорый, правый и милостивый“. Это будетъ судъ съ участіемъ своихъ присяжныхъ; братскій судъ, слагающій свои рѣшенія не по буквѣ консисторскаго устава, а по императивамъ, стоящимъ въ непосредственной связи съ „правдою жизни“. Здѣсь, въ атмосферѣ братской любви будутъ разсмотрѣны и провѣрены всякія жалобы членовъ причта и повѣрьте: сколько этихъ жалобъ закончатся полнымъ примиреньемъ тяжущихся! Если же это примиренье не состоялось или если стороны остались недовольны братскимъ судомъ, они апеллируютъ къ суду уѣзднаго пастырскаго собранія и наконецъ, какъ къ послѣдней инстанціи: къ суду епископскому. Но какъ въ первой, такъ и въ послѣдней инстанціи рѣшеніе должно быть одно: виновный въ нарушеніи мира и не сознающій своей вины—все равно священникъ или псаломщикъ, долженъ перейти на другой приходъ, чтобы зло не разрасталось и чтобы были невозможны такіе страшные души леденящіе случаи, какъ публичное оскорбленіе другъ друга бранью и даже дѣйствіемъ. При братскомъ судѣ по жалобамъ членовъ причта отойдутъ, наконецъ, въ область прошлаго и эти такъ называемыя формальныя слѣдствія съ участіемъ урядника, сельскаго старосты, съ длинной varenniceй натаканныхъ свидѣтелей-прихожанъ. Эти слѣдствія—какой подрывъ для духовенства! Какая деморализація для прихожанъ,

съ наслажденіемъ перецѣживающихъ вскрывшіеся на слѣдствіи грязные факты закулисныхъ отношеній причта! Нѣтъ, пора поставить этому крестъ! Пора освободиться отъ оковъ мертвящихъ буквъ и шире раздвинуть дорогу торжеству „духа жива“.

Свящ. М. Короповъ.

Журналы

постановленій собранія приходскихъ пастырей 3-го округа,
Лубенскаго уѣзда.

1905 года, Іюля 30 дня. С. Исачки.

(Окончаніе).

«1905 года Іюля 14 дня, с. Хорошки. Священники, настоятели церквей изъ 7 приходоѡъ 3-го округа Лубенскаго уѣзда, прибывъ въ собраніе, обсуждали слѣдующіе вопросы:

1—Можно-ли совершать вѣнчаніе, когда въ отношеніи одного изъ брачующихся заявлена претензія, что онъ обязанъ другой личности? По обсужденіи этого вопроса, собраніе признало, въ видахъ однообразія практики, поступать въ такихъ случаяхъ такъ: если претензія заявлена при оглашеніи или самомъ вѣнчаніи, то, во избѣжаніе соблазна или скандала, слѣдуетъ соображаться съ этимъ и принять тѣ или иныя пастырскія мѣры. Если-же сообщено гдѣ-либо на сторонѣ, какъ паушничество, то останавливать изъ-за этого бракъ нѣтъ законныхъ основаній.

2—Какъ поступать, когда бывшіе, но переселившіеся, прихожане обращаются къ мѣстнымъ роднымъ съ порученіемъ взять и выслать имъ метрическую выписъ? По этому вопросу выяснилось, что подобныя обращенія бываютъ часто. Но при всемъ желаніи причтовъ всячески упрощать отношенія съ прихожанами, заглазная выдача документовъ, неизвѣстно кому и для какой цѣли, все-таки вызываетъ неудобства.

Въ одномъ приходѣ въ подобномъ случаѣ была примѣнена такая мѣра: Обратившемуся за метрикой родственнику переселенца священникъ поручилъ отвѣтить довѣрителю,

пусть тотъ самъ напишетъ причту свою просьбу съ указаніемъ цѣли, адреса и съ соблюденіемъ гербового устава. Переселенецъ такъ и поступилъ, объясняя свое прежнее обращеніе незнаніемъ адреса священника и порядка. Такой пріемъ и можно рекомендовать. Но общаго правила по этому дѣлу нельзя установить по разнообразію просьбъ и обращеній, изъ коихъ инья прямо бываютъ неблаговидны. Вотъ образчики фактовъ: причтомъ получено отъ переселенца, повидимому, искреннее письмо, съ просьбою выслать метрику. Въ письмѣ говорилось, что онъ, проситель, не знаетъ, что нужно для метрики, а потому просить изготовить ее, какъ слѣдуетъ, и выслать, а онъ по полученіи возвратитъ всѣ расходы, какіе потребуются. Причтъ довѣрился, оплатилъ гербовый и почтовый сборы, но возмѣщенія не получалъ. Въ другомъ случаѣ получается телеграмма; съ священника требуютъ за доставку 1 р. 50 к. Оказывается она изъ Сибири отъ переселенца, просящаго справку; «отвѣтъ оплаченъ», но пришлось доложить еще 60 к., съ надеждою на возвратъ, о чемъ и было написано просителю. Однако ни отвѣта, ни возврата не послѣдовало. Еще: переселенецъ просилъ письмомъ своего кума взять и выслать ему метрику; въ письмѣ была приложена марка и малая благодарность причту. Проситель былъ лично извѣстенъ, какъ человѣкъ уважаемый, цѣль документа указана ясно, гербовый сборъ представленъ полностью, и потому выпись безъ замедленія была изготовлена и вручена для отсылки ему. При этомъ «кумъ» заявилъ, что на полученіе письма и проходку за выписью онъ тратилъ время, а оно ему дорого, поэтому половину присланной благодарности онъ оставляетъ себѣ. Ну, что-жь? Насильно не возьмешь. Отсюда: если на самое искреннее отношеніе причта прихожане могутъ отвѣчать такими фактами, то можно-ли вѣряться всякимъ просьбамъ и просителямъ? Но неужели такъ ужъ черенъ душою нашъ народъ? Вовсе нѣтъ. Онъ чтитъ религію, благоговѣнно относится къ богослуженію, можетъ искренно уважать и любить священника, но также искренно соблюдаетъ во всемъ свой расчетъ, и, если представляется возможнымъ урвать что-либо, хотя-бы и отъ причта, онъ этого не упуститъ, считая такое дѣйствіе законнымъ и естественнымъ. Это одна изъ основныхъ сторонъ его характера, выкованная исторіей и питаемая доселѣ его матери-

альнымъ положеніемъ. И не будь въ народѣ этой черты, онъ давно потерялъ-бы всякую возможность существованія.

3—Какъ улучшить состояніе церковныхъ школъ и условія успѣшности дѣла? Вопросъ этотъ слагается изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ настоящее время задача церковной школы стала исключительной, болѣе широкой, серьезной и отвѣтственной, чѣмъ когда-бы то ни было, вслѣдствіе свободы вѣроисповѣданій, броженія умовъ въ народѣ и разжиганія его прокламаціями. Необходимо, чтобы школа своею дѣятельностію оказывала достаточно сильное вліяніе на подростящее поколѣніе, а чрезъ него и на все населеніе въ противовѣсъ теченіямъ, враждебнымъ церкви и государству. Для этого нужно школъ быть во всеоружіи, имѣть возможность осуществлять свои задачи, быть обставленной и обезпеченной матеріально не хуже школъ другихъ вѣдомствъ, напр. земскихъ. Преподавательскія силы нашихъ школъ въ общемъ не слабѣе, чѣмъ въ иныхъ, но средства для дѣла не выдерживаютъ сравненія со средствами другихъ школъ. Такъ, земство нашего уѣзда даетъ преподавателей, книги въ потребномъ подборѣ и количествѣ, учебныя и письменныя принадлежности и не менѣе 75 р. на каждую школу ежегодно наличными на хозяйственныя нужды: сторожа, топливо, освѣщеніе и поддержку зданія. Есть чѣмъ вести дѣло. Что-же дается нашей школъ? Завѣдующему и законоучителю—0; учителю—часть жалованья, а другую часть должна доплачивать церковь, которая не въ силахъ покрывать своихъ расходовъ и вынуждена прибѣгать для этого къ нежелательнымъ источникамъ. Книгъ отпускается скудное количество и не въ должномъ подборѣ. Да и полученіе ихъ для насъ, пріѣзжающихъ за ними, иногда нанятою подводой, часто бываетъ сопряжено съ неудачею: то книги уже розданы, то нѣтъ завѣдующаго складомъ, то не въ такой день и часъ прибылъ, когда выдаются и т. п. И приходится или возвращаться ни съ чѣмъ, или прожиться въ городѣ, ожидая благопріятнаго момента, словно личнаго благодѣанія. Такъ случается бесплодно ѣздить и посылать нѣсколько разъ. А время уходитъ, и дѣло стоитъ. Лицъ въ этомъ винить нельзя: такова организація. Больно и за окончившихъ курсъ школы, что имъ не выдается никакой книги. Правда, иногда для нихъ высылаютъ евангелія, но съ требованіемъ за нихъ платы. А если уплатить

нечѣмъ? Ступай ни съ чѣмъ, не имѣя чего прочесть ни себѣ, ни для семьи. При такой организаціи снабженія книгами вліяніе школы на населеніе возможно, лишь какъ мечта; мечтать-же теперь не время: пора дѣлать дѣло. Принадлежностей и средствъ на содержаніе школы вовсе не отпускается. Удовлетвореніе этихъ нуждъ кѣмъ-то и почему-то отнесено на какія-то миѳическія „мѣстные средства“. Посмотримъ-же, есть-ли они, возможны-ли, отвѣчаютъ-ли интенсивности дѣла, необходимой въ данное время? Подъ мѣстными средствами, конечно, разумѣются: церковныя суммы, помощь отъ попечительствъ, братствъ, прихожанъ, попечителей школы и плата за ученіе.

Что касается церковныхъ суммъ, то, открывъ книгу средняго въ нашемъ округѣ прихода, мы видимъ, что за 1904 годъ всѣхъ доходовъ было 665 р., а уплачено взносовъ 388 р. и за 6 пуд. свѣчей 192 р. Какъ на остальные 85 р. содержать двухъ сторожей, плагить просфорнѣ, покупать вино, оливу, уголь, поддерживать храмъ, утварь, ризницу, пополнять бібліотеку?!... Отсюда, церковь *ежегодно* должна занимать деньги на сдачу „отчетовъ“ и въ теченіе года выплачивать долгъ. Что-же она можетъ выдѣлить школѣ? Прежде это было еще мыслимо, но когда свѣчи стали вдвое дороже въ покупкѣ, оставаясь въ той-же цѣнѣ при продажѣ, принося такимъ образомъ пользы вдвое меньше прежняго; когда на церкви возложена доплата жалованья учителямъ, когда увеличенъ 25⁰/₀ взносъ, когда усилены взносы на духовныя училища и введены другіе, прежде невѣдомые взносы, — церковныя средства изсякли и отошли въ область преданій, которымъ минула уже земская давность. А потребности школьнаго дѣла, и по числу учениковъ, и по запросамъ времени, возрасли.

Попечительства есть не вездѣ, а гдѣ и числятся, то только номинально; даже тѣ, которыя работали до послѣдняго времени, теперь убиты. Дѣло въ томъ, что прежде прихожане предоставляли попечительствамъ на церковно-приходскія и школьныя нужды часть выгонной земли. Но теперь земство обложило эти земли такимъ налогомъ, который поглощаетъ буквально всю выручку съ земли, и этотъ источникъ убитъ навсегда, а попечительства лишились возможности существованія и проявленія дѣятельности. Такъ церковныя и земскіе налоги словно сплотились дѣйствовать

по 136 пс. „Истощайте, истощайте до основаній его“. О, горьки будутъ плоды такой смѣлости въ налогахъ, такого похода на церковныя и народныя средства! и эти плоды уже начинаютъ сказываться.

Братства здѣшнія, какъ не вызванныя и не созданныя народомъ, не симпатичны для него и не поддерживаются имъ; оттого они малочисленны и безсильны помогать школь, еле-еле покрывая свои свѣчные обороты. Много было хлопотъ и усилій для открытія братствъ; но уже при самомъ открытіи ихъ народъ отнесся къ нимъ предубѣжденно, выражая: „Всѣ христіане есть братство, и приходъ самъ братство; зачѣмъ еще приходъ въ приходѣ, въ пику прихожанамъ, да еще съ особою продажею свѣчей въ подрывъ церкви? На объясненіе, что это въ поддержку школы, прихожане заявили: „пусть-же братчики и содержатъ ее“; а братчики не въ состояніи, и школамъ изъ-за этого случилось быть безъ топлива. Кромѣ того, братчики считаютъ братскія средства собственными и склонны примѣнять ихъ произвольно, игнорируя голосъ священника. И когда нужно 2—3 руб. за переплеть книгу, приходится упрашивать казначея, а тотъ еще долго совѣщается съ прочими: дать или нѣтъ, ставя священнику въ вину—зачѣмъ давалъ въ переплеть книги безъ ихъ дозволенія... Нѣтъ, этотъ источникъ средствъ для школъ не существуетъ.

Пособія школъ отъ прихода или отдѣльныхъ лицъ его тоже не бываетъ, какъ по матеріальному положенію, такъ и по убѣжденіямъ народа. Положеніе его таково, что селянинъ, имѣющій около десятины земли, платитъ налоговъ до 17 руб., которыхъ онъ никогда съ нея не выручить: если что и уродитъ, то не достанетъ на прокормленіе семьи; а на налоги нужно еще добывать. Но кромѣ налоговъ, нужно удовлетворять и свои хозяйственные расходы; да онъ же, какъ прихожанинъ, такъ или иначе, участвуетъ въ содержаніи причта и въ расходахъ по ремонту церкви, пбо за истощеніемъ церковныхъ и уничтоженіемъ попечительскихъ средствъ, ремонты падаютъ непосредственно на населеніе. Все это вмѣстѣ такъ ужъ озлобило народъ противъ всякихъ взносовъ, налоговъ и сборовъ, что всякое новое требованіе только подливаетъ масла въ огонь „Чѣмъ намъ содержать школу; когда и самимъ ѣсть нечего? Пусть хоть и уберутъ отъ насъ школу“, приходилось слышать въ от-

вѣтъ на просьбу о помощи. И дѣйствительно, селянинъ работаетъ изо всѣхъ силъ, и весь итогъ работы уходитъ на налоги и хлѣбъ, не оставляя ему ничего; а тутъ—налогъ за налогомъ, сборъ за сборомъ.

Убѣжденія народа въ отношеніи школы заключаются въ пониманіи народнаго образованія дѣломъ государственнымъ. „Мы“, говорятъ — „платимъ налоги и повинности въ казну; пусть казна и содержитъ школу“. Кроме того, селянинъ, не обучающій въ школѣ дѣтей, никогда ничего не даетъ на нее. Былъ опытъ не покупать топлива, а брать натурою у домохозяевъ, и тѣ, чьихъ дѣтей въ школѣ нѣтъ, грубо отказывали въ этомъ: „кто учится, кому школа нужна, пусть тотъ и даетъ“. Отсюда ясно, что достаточной помощи школѣ отъ прихожанъ, по ихъ собственной нищетѣ и при ихъ разумѣніи, быть не можетъ.

Попечителей у большинства школъ вовсе нѣтъ, и пригласить въ эту должность часто некого: тотъ не любитъ церковной школы, другой самъ нуждается, а иной нежелателенъ по своему направленію.

Платы за ученіе въ нашихъ школахъ нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ населеніе не въ состояніи вносить ее. Дѣлались опыты, учащіеся облагались платою отъ 50 коп. въ годъ, но изъ этого выходила только тягостная и безплодная возня: дво—трое внесутъ копѣекъ по 20, у другихъ денегъ нѣтъ; отсрочить—значить не получать; не принимать безъ уплаты—учить некого; обращаться священнику въ сборщика—неестественно, немыслимо и нежелательно.

Таковы «мѣстные средства», на которыя возложено содержаніе, снабженіе и обезпеченіе школъ и которыя въ дѣйствительности, за рѣдкими исключеніями, не даютъ въ общемъ своемъ итогѣ ничего того, чѣмъ обезпечена школа земская. И является наша школа какимъ-то несчастнымъ дѣтищемъ, призваннымъ къ жизни и брошеннымъ безъ средствъ. Книгъ-ли недостача—докупить не на что; нѣтъ досокъ, тетрадей, счетовъ—достать нѣтъ средствъ; испортилась печь, развалилась скамья, прогнилъ полъ, разбилось окно, нѣтъ сторожа, вышло топливо, протекаетъ кровля, обваливаются стѣны,—удовлетворять всѣ эти надобности ни одно учрежденіе не считаетъ себя обязаннымъ, и при-

ходится намъ нести все, все на своихъ плечахъ, часто жертвуя своими убогими средствами, отнимая ихъ у родныхъ семей и получая за все это еще обидный, убивающій душу, отзывъ въ годичныхъ отчетахъ.

Въ виду такого положенія школы и нынѣшняго расширенія задачъ ея, собраніе признало необходимымъ неотступно и настойчиво, всѣми мѣрами и во всѣхъ инстанціяхъ добиваться для церковныхъ школъ: 1—Улучшенія организаціи снабженія книгами, чтобы онѣ выдавались безпрепятственно во всякое время, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, а равно и времени послѣ обѣда, такъ какъ именно въ эти дни и часы преподавателямъ только и возможно поѣхать за десятки верстъ въ городъ за книгами. Если-же это почему либо невозможно, и складъ назначить только извѣстные дни и часы для выдачи, то необходимо, чтобы всѣ школы были объ этомъ оповѣщены циркулярно, а не убѣждались горькимъ опытомъ въ ущербъ дѣлу и убогимъ средствамъ преподавателей. 2—Выдачи книгъ въ потребномъ подборѣ и количествѣ. 3—Обязательнаго и безплатнаго снабженія учениковъ, окончившихъ курсъ, при выдачѣ свидѣтельствъ, по крайней мѣрѣ хоть книгами „Новый Заветъ“. 4—Удовлетворенія школъ учебными и письменными принадлежностями натурою по количеству учащихся. 5—Ассигнованія ежегодной опредѣленной суммы на содержаніе каждой школы, безъ бюрократическаго требованія прошеній, (живое дѣло требуетъ живого своевременнаго удовлетворенія, а не мертвой канцелярской волокиты), на хозяйственные и ремонтныя нужды. Только тогда уравниются условія производительности дѣла нашихъ школъ съ земскими, и труженики школы освободятся отъ несомнѣстной и унижительной роли ищеекъ и попрошайекъ по „изысканію“ не существующихъ „мѣстныхъ средствъ“, при чемъ неизбѣжно приходится изгибаться въ дугу даже предъ нежелательными типами.

При этомъ собраніе увѣрено, что и прочіе собратья—духовенство и епархіальная власть вполнѣ признаютъ справедливость и своевременность этого требованія, а также необходимость и неотложность его удовлетворенія для блага школы, народа и церкви“.

Церковно-историческое и статистическое описание Алекса́ндро-Невской церкви и прихода села Се- редняковъ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской епархіи.

(Продолженіе).

Въ понедѣльникъ сырной недѣли считается хорошимъ предзнаменованіемъ, если первую войдетъ въ хату посторонняя женщина, а не мужчина.

Въ недѣлю сыропустную молодежь дѣлаетъ складчину и вечеромъ вмѣстѣ заговляютъ на постъ.

Въ первый день великаго поста, какъ и вообще въ первый день каждаго поста, если войдетъ въ домъ сначала посторонній мужчина, то это считается хорошимъ признакомъ, а по сему, во избѣжаніе непріятнаго впечатлѣнія, женщины въ первый день каждаго поста никуда не идутъ рано, также какъ и на Новый годъ.

Понедѣльникъ первой седмицы великаго поста называется „жылавый“, потому что въ этотъ день пекутъ коржи, называемые „жыляныками“. Въ этотъ день имѣющіе склонность къ выпивкѣ, пьютъ водку „полошутъ зубы, щобъ гадюка не вкусыла“, въ возмездіе за оставшуюся въ зубахъ въ день заговѣнъ скоромную пищу.

Въ среду 4-й седмицы великаго поста пекутъ изъ пшеничной квашеной муки „кресты“, изъ которыхъ одинъ оставляютъ до весны, а весной, во время сѣва пшеницы, выносятъ этотъ крестъ на поле и, положивъ его на борону или за пазуху, начинаютъ, перекрестившись, пахоту.

Въ Великій Четвертокъ, послѣ чтенія Страстей Христовыхъ, каждый старается донести до своего дома огонь страстной свѣчи и, придя домой, зажженную свѣчу подаютъ въ окно для того, чтобы удалить изъ дома всякую нечисть: таракановъ, жабъ и проч. Огнемъ страстной свѣчи напаливаютъ на потолокъ въ главномъ углу крестъ. Передъ праздникомъ Воскресенія Христова пекутъ хлѣбъ называемый пасха. И когда этотъ хлѣбъ посадятъ въ печь, то лопаты не ставятъ на мѣсто, а въ каждый уголь хаты бьютъ лопатой по три раза, затѣмъ ударяютъ лопатой въ дверь и, отворивши дверь, говорятъ: „тараканы, стоноги и вся погань вонъ!“

Въ день праздника Пасхи, прежде чѣмъ умыться, кладутъ въ умывальницу сначала лѣвъ крашанки, затѣмъ наливаютъ воды и умываются, а потомъ этими крашанками обводятъ по лицу. Какъ только окончится въ церкви чтеніе книги Дѣяній Апостольскихъ, мальчики идутъ по домамъ „*христовашь*“ и поздравлять сосѣдей съ праздникомъ, за что получаютъ по крашанкѣ.

Есть благочестивый обычай на праздникъ Пасхи оставлять около церкви, послѣ освященія брашенъ, въ пользу бѣдныхъ узелъ съ пасхальными яствами, причемъ жертвователю всегда остается неизвѣстнымъ. Особенно охотно прихожане жертвуютъ въ церковь передъ Пасхой артосы, украшенные иконой Воскресенія Христова. Этихъ артосовъ къ Пасхѣ собирается до 50-ти. Обыкновенно жертвователю получаетъ въ Оомину недѣлю верхнюю часть артоса съ иконкой, мякишъ этой части вырѣзывается, и потребляется, а верхушка помѣщается въ божницѣ, рядомъ съ иконами. Развлеченіе молодежи въ этотъ праздникъ состоитъ въ гуляньи на качеляхъ, которыя заблаговременно устраиваются.

Въ Среду Преполовенія, которая называется здѣсь *права Середка*, бабы встаютъ до восхода солнца и ломаютъ молодья вѣтви березы и употребляютъ эти вѣтки, какъ лечебное средство въ случаяхъ вывиховъ: отваромъ этихъ вѣтокъ парятъ вывихнутую часть тѣла.

23 Апрѣля, въ день св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, бываетъ освященіе воды около колодца на большой дорогѣ. Къ мѣсту освященія воды пригоняется скотъ и лошади для окропленія святой водой. Въ этотъ день выгоняютъ пасти скотъ на росу.

Десятая пятница отъ Пасхи считается домашнимъ праздникомъ и въ этотъ день не работаютъ.

27 Юля, въ день св. великомученика Пантелеимона, то-же обязательно празднуютъ, праздникъ этотъ называется „*палыжона*“. Кто въ этотъ день будетъ работать въ полѣ и перевозить изъ поля хлѣбъ домой, того хлѣбъ будетъ сожженъ въ наказаніе за нарушеніе праздничнаго покоя. 9-стольныхъ праздниковъ два: 18 Юля, въ день св. Іоанна Многострадальнаго, преподобнаго Кіево-Печерскаго и 30-го Августа, въ день перенесенія мощей св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Въ эти дни складочныхъ обѣдовъ для

иноприходныхъ гостей и нищихъ не устраивается. Въ это время навъзжаютъ торговцы съ различными мелкими сельскими товарами и около церкви, на трактовой дорогѣ, устраивается подобіе однодневной ярмарки.

29-го Іюня, въ день св. Апостоловъ Петра и Павла, пекутъ обязательно „*мандрьки*“, это сырныя лепешки и этимъ разговляются послѣ поста. Праздникъ 1-го Августа называется „*Маковій*“. Въ этотъ день въ церковь приносятъ пучки зрѣлаго мака вмѣстѣ съ цвѣтами гвоздики и подсолнечника. Послѣ освященія воды, каждый погружаетъ свой пучекъ въ кадку со святой водой. Освященный макъ держать для посѣва, а цвѣты гвоздики и подсолнечника сохраняютъ, какъ врачебное средство отъ болѣзней; въ гвоздикѣ купаютъ дѣтей, заболѣвшихъ такъ называемой „*жовтяницею*“ или желтухой.

6-го Августа приносятъ въ церковь и ставятъ въ боковомъ придѣлѣ за рѣшеткой предъ иконостасомъ начатки плодовъ: яблоки, груши, вѣнки изъ пшеницы или ржи, а также сотовый медъ, у кого есть пчелы. Послѣ освященія, часть этихъ приношеній отдѣляется въ пользу священно и церковнослужителей, часть принесшіе оставляютъ себѣ и своему семейству, а остальное тутъ же на погостѣ или въ колокольнѣ раздають другъ другу и дѣтямъ.

14-го Ноября, въ день заговѣнъ на Филипповку, молодежь — парни и дѣвцы устраиваютъ складчину. Кромѣ праздниковъ, положенныхъ церковью, у прихожанъ есть еще особыя свои дни, въ которые они не производятъ одной какой нибудь опредѣленной работы. По понедѣльникамъ не золятъ бѣлья, потому что въ этотъ день, какъ говорятъ „*світъ зачынався*“. По пятницамъ также не золятъ бѣлья, потому что нарушителямъ этого правила прійдется „*на тмѣ свити золу пыть*“. По если кто отзолятъ бѣлье или тряпки въ „*Чыстый четвергъ*“ па страстной седмицѣ, тотъ приобрѣтаетъ право золить бѣлье во всякій будничный день.

По пятницамъ во весь годъ не мажутъ, не треплютъ пеньки или льна, не прядутъ, не приготавлиють кудели. Нельзя мазать также во всѣ поминальные субботы.

Въ понедѣльникъ не трусятъ сажи, во избѣжаніе пожара; въ субботу также не трусятъ сажи, во избѣжаніе болѣзней; но кто потруситъ сажу въ первый понедѣльникъ вели-

каго поста, то тогда можно трусить сажу въ какой угодно день, въ продолженіе цѣлаго года.

Въ понедѣльникъ нельзя надѣвать рубахи, чтобы не было напасти.

Послѣ Пасхи устраиваются въ приходѣ крестные ходы по полямъ для освященія полей и посѣвобъ, но эти крестные ходы не приурочиваются къ какому нибудь празднику, а совершаются въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, по желанію прихожанъ. Жители д. Коновала и при томъ по большей части отдѣльно козаки и отдѣльно крестьяне, а также жители хутора Ветхаловки, обязательно каждый годъ приглашаютъ причтъ для освященія полей, а Середнячане не каждый годъ собираются освящать поля. Прихожане, желающіе устроить крестный ходъ, заблаговременно дѣлаютъ складчину деньгами, чтобы отпраздновать это торжество съ честью, потомъ заявляютъ о своемъ желаніи священнику. Въ назначенный день сначала освящается вода въ одномъ или даже, по особливому желанію отдѣльныхъ хозяевъ, въ двухъ колодцахъ. Потомъ вся процессія съ освященной водой, въ сопровожденіи большого количества народа, отправляется на поля, которыя окропляются водой, а во время засухи служитъ на ходу молебное пѣніе о бездождіи. Всѣ, сколько нибудь умѣющіе пѣть, участвуютъ въ церковномъ пѣніи священныхъ пѣсней.

Послѣ достаточнаго обхожденія полей, процессія возвращается къ назначенному мѣсту въ селѣ или хуторѣ; здѣсь творится отцуетъ, благословляется приготовленная трапеза, и всѣ садятся для участія въ общей трапезѣ. Въ х. Ветхаловкѣ, а иногда и въ Коновалѣ, процессія съ полей направляется къ кладбищу, здѣсь служитъ литія по усопшимъ, а затѣмъ уже творится совершенный отцуетъ и тутъ-же предлагается общая трапеза. Въ Ветхаловкѣ и Коновалѣ, особенно когда устраивается крестный ходъ по приглашенію крестьянскаго общества, заупокойная литія совершается на кладбищахъ потому, что на проводы, въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, на этихъ кладбищахъ, за неимѣніемъ времени, литія по усопшимъ не совершается, а откладывается на время полеваго крестнаго хода. Эти крестные ходы по полямъ, въ особенности когда бываетъ благодатная весна, носятъ весьма радостный и торжественный характеръ. Крестные ходы служатъ прекраснымъ средствомъ для сближенія пастыря съ пасомыми.

Дни поминаеній умершихъ слѣдующіе: Въ субботу мясопустную и сыропустную благочестивыя хозяйки пекутъ нарочито хлѣбъ и разносятъ этотъ хлѣбъ болѣе бѣднымъ людямъ, въ память усопшихъ; но въ эти субботы панихидъ не служатъ.

На первой седмицѣ великаго поста, въ пятницу приносятъ въ церковь стаканчики или кружки меду и поминальныя граматки, для поминаенія умершихъ во весь постъ. Эти кружечки съ медомъ называются „постовики“. Въ субботу первой седмицы святой Четырехдесятницы служатся панихиды, которыхъ бываетъ въ это время довольно количество.

Поминаеніе усопшихъ совершается также въ понедѣльникъ Өоминой седмицы послѣ Пасхи. Этотъ день называется „проводы“. Въ это время, по совершеніи заупокойной Литургии, служатся въ церкви панихиды, потому поминаеніе усопшихъ переносится на кладбища, гдѣ, по окончаніи заупокойныхъ литій, обыкновенно всѣ присутствующіе участвуютъ въ братской трапезѣ. Въ понедѣльникъ поминаеніе совершается на двухъ кладбищахъ—въ Середнякахъ и на одномъ казачьемъ въ д. Коновалѣ, а на другомъ крестьянскомъ Коноваловскомъ и въ х. Ветхаловкѣ, за неимѣніемъ времени, церковное поминаеніе усопшихъ пріурочивается ко дню освященія полей въ той мѣстности, хотя прихожане въ понедѣльникъ все таки посѣщаютъ могилки своихъ родичей и тамъ обязательно трапезуютъ и одѣляютъ дѣтей разными домашними лакомствами. Къ поминальной трапезѣ на кладбищахъ приглашаются также всѣ нищіе, какіе окажутся, а если проѣздомъ бываютъ цыгане, то и они участвуютъ въ трапезѣ, никто не остается не приглашеннымъ.

Во Вторникъ на Өоминой седмицѣ поминаютъ „дядимокъ“, но это поминаеніе не имѣетъ уже характера церковнаго, а представляетъ простое время проведеніе сосѣдей, собравшихся въ одной хатѣ и конечно не безъ выпивки.

Въ субботу, накануне св. Пятидесятницы, поминаютъ умершихъ неестественною смертію.

Отъ перваго Октября и по 14 Ноября всѣ субботы считаются поминальными или родительскими, но обыкновенно церковное поминаеніе умершихъ въ этотъ періодъ пріуро-

ывается къ субботѣ Дмитріевой, которая случится передднемъ св. великомученика Дмитрія Мироточиваго, 26-го Октября. Въ эту субботу и припосять для поминовенія въ церковь панихиды.

Кромѣ поминовеній усопшихъ религіозность прихожанъ выражается въ паломничествѣ по обѣтамъ и просто по религіозной потребности. Путешествуютъ на поклоненіе святынямъ въ Кіевъ, Черниговъ, Козельщину, Полтавской губерніи; ходятъ также въ село Вудица, Гадячскаго уѣзда, на поклоненіе Чудотворной иконѣ св. Николая; къ празднику св. Пятидесятницы нѣкоторые идутъ въ городъ Ахтырку, Харьковской губерніи, на торжество перенесенія Ахтырской иконы Божіей Матери изъ монастыря въ городъ. Путешествуютъ также въ городъ Лубны передъ 10-й пятницей къ тому времени, когда бываетъ крестный ходъ изъ монастыря „до крыницы“. Нѣкоторые проводятъ первые дни Пасхи въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Большею частию паломничество практикуется весною и въ началѣ лѣта до наступленія рабочей поры. Одинъ прихожанинъ, житель х. Ранюковаго, козакъ Гордій Григорьевъ Поливанный ходилъ даже два раза во Св. Землю, въ Іерусалимъ и на Афонъ. Оттуда приносилъ перламутровые кресты, кинарисныя и пальмовыя ложки, разныя трости, картины, четки, попораму съ видами святой земли, свѣчи и много листковъ и брошюръ религіозно-правственнаго содержанія; приносилъ также флаконы регальнаго масла и др. предметы. Одна женщина ѣздила въ Кронштадтъ, тоже въ цѣляхъ религіозныхъ, чтобы получить благословеніе и молитвы Кронштадскаго пастыря о. Іоанна Сергіева.

Отправляясь на богомолье, паломники несутъ туда холстъ, рушники, а для нищихъ рубахи. Оттуда изъ мѣстъ паломничества приносятъ домой просфоры, крестики, иконки, ладонки. Часто въ видѣ подарка подносятъ просфору своему священнику съ надписью о здравіи его семейства. Изъ мѣстъ паломничества приносятъ также картины, правоучительныя листки и брошюры, иконы на бумагѣ и живописныя на деревѣ. Принесенныя иконы иногда жертвуютъ въ церковь. Кромѣ того изъ святыхъ мѣстъ паломники иногда приносятъ въ свою приходскую церковь что нибудь изъ церковной утвари. Такъ, одинъ прихожанинъ, козакъ Петръ Даміановъ Тукачъ, приносилъ изъ Кіева цѣлительную бронзовую вызол-

ченную дарохранительницу въ футлярѣ, стоимостью въ семьдесятъ пять (75) рублей.

Благодаря распространенію въ народѣ правильныхъ понятій о Богѣ и мірѣ, благодаря развитію среди населенія грамотности, суевѣрія уже въ данное время не существуютъ, а если что нибудь изъ суевѣрій и осталось въ памяти народной, то никто уже имъ не придаетъ серьезнаго значенія. Какъ остатокъ старины, сохранились нѣкоторые обычаи и обряды въ разныхъ случаяхъ жизненнаго обихода.

Когда ребенку исполнится отъ рожденія годъ, то крестный отецъ и крестная мать стригутъ собственноручно своего крестника или крестницу, а до года ребенокъ остается нестриженнымъ. Есть еще обычай выкупа, который приурочивается обыкновенно къ свѣтлымъ праздникамъ. Выкупаетъ ребенка у крестнаго отца и матери родная мать, которая несетъ восприемникамъ въ видѣ выкупа по булѣ и по платку. Ребенку обыкновенно крестная мать и отецъ завязываютъ въ пазушку деньги отъ 5 до 10 копѣекъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ подниматься на ноги и ходить, то ему обводятъ ножки веревочкой и эту веревочку перерѣзываютъ.

(Продолженіе будетъ).

Въ сельскомъ приходѣ.

(Очерки и наблюденія).

Народный неписанный календарь.

Праздники.

Все народныя праздники, приуроченныя къ церковнымъ праздникамъ, до того слились своей обрядовой стороною съ установленіями христіанскимъ, что простой народъ совершенно не различаетъ, что принадлежитъ церкви, и что унаслѣдовано имъ отъ глубокой старины, какъ обычай предковъ. По крайней мѣрѣ, по понятіямъ народа, не соблюденіе какого-нибудь праздничнаго обычая считается такимъ же грѣхомъ, какъ нарушеніе существеннаго постановленія церк-

ви. Каждый народный праздник имѣетъ свои особые обряды, часто не лишенные прелести и даже высокой поэзии. Для праздника Рождества Христова есть свои народные пѣсни (колядки, щедривки), свои игры и святочные обычаи; для Пасхи — совершенно другіе, для Троицына дня опять иные и т. д.

Само собою разумѣется, что всѣ тѣ своеобразныя возрѣнія и оригинальные обычаи, которые нашъ народъ соединяетъ съ праздниками, являются результатомъ стараній народа постигнуть смыслъ праздниковъ и опредѣлить, каково значеніе ихъ въ жизни.

На ряду съ этимъ народъ усвоилъ праздникамъ свои оригинальныя названія, какъ-то „Великдень“ (такъ онъ называетъ Пасху), „Зеленяя святки“ (дни: св. Троицы и Св. Духа), „Вшестя“ (Вознесеніе Господне), „Спасъ“ (Преображеніе Господне), „перша Пречыста“ (Успеніе Божіей Матери), „друга Пречыста“ (Рождество Богородицы) и проч.

Несомнѣнно также, что въ деревнѣ, гдѣ и до сихъ поръ счетъ въ отношеніи времени идетъ на дни и недѣли, а не по отвлеченнымъ числамъ мѣсяцевъ, праздники замѣняютъ крестьянству календарь и служатъ исходной точкой народной хронологіи, распредѣляющей народный трудъ, жизнь и отношенія.

Далѣе, хотя, напр., о днѣ св. ап. Филиппа (15-е Ноября) малороссы по созвучію замѣчаютъ, что «кто святкуе на Пылына, той буде голый, якъ лына», тѣмъ не менѣе праздники въ смыслѣ ничего недѣланія и понынѣ блюдутся весьма строго не только большіе, годовые, но даже такіе, которыхъ и въ святцахъ не положено. На этотъ счетъ каждая деревенская баба представляетъ ходячій календарь, который безошибочно предскажетъ впередъ, въ какой день будетъ тотъ или другой праздникъ. Исторія и значеніе праздника большинству совершенно неизвѣстны, но зато примѣръ и суевѣрій около каждаго праздника множество. Если, напр., на Троицу завянетъ „кличанье“, внесенное накануне въ хату, то будетъ нездорово на людей, если же оно останется свѣжимъ, то повальныхъ болѣзней не будетъ. Есть также повѣрье, что у женщины, которая не обходила въ Вербную субботу церкви съ вербой, лещъ не

родить. Или: нельзя, по народному мнѣнію, чистить печныхъ трубъ между Пасхой и Вознесеніемъ, чтобы въ хлѣбѣ не завелась „головня“, равно какъ въ большой праздникъ нельзя рано топить печь: иначе на дымъ напозлетъ всякая нечисть: тараканы, жуки и т. п.

Характерно отмѣтить, что народные праздники строго разгруппированы на такіе, въ которые не полагается никакой работы „щобъ не спразныть дытыну, або жъ скотыну“ и на такіе, въ которые не позволительна только извѣстная часть работы, какъ напр., невозможно жать, косить, но позволительно полоть или садить грядки. „Спразныть“ — значитъ накликасть бѣду на ребенка или скотину, тотъ или другая можетъ заболѣть („ногы сплытуця, якъ плысты въ тынъ, ротъ зашые, якъ шыть“ и прочее). Заслуживаетъ вниманія, что, напр., конать на огородѣ въ праздникъ грѣхъ — „спразнышь“, а бѣлье стирать можно: „я скручу, тай, роскручу“, — говоритъ на это деревенская баба.

Далѣе, въ наше время по праздникамъ обыкновенно происходитъ развалъ, по пословицѣ: «якъ пипъ у дзвинъ, то чортъ у клепало», — тутъ, въ частности, поселянамъ непремѣнно лужно и покупать, и продавать, и шумѣть, и кричать, и напиваться до-пьяна. Зато въ старину праздничные и воскресные дни въ деревнѣ если не всегда отличались внѣшнимъ благообразіемъ, то по крайней мѣрѣ утишеніемъ „мірской суеты“, а именно: какъ въ самый праздникъ, такъ и въ вечеръ, предшествующій ему, украинскіе поселяне прекращали всякую работу. Мало того: грѣхомъ считали вести бесѣду объ обыденныхъ вещахъ, даже произносить такія слова, какъ, напримѣръ, мельница, ступа, соха, печь и под. Если же, по какому нибудь обстоятельству, было необходимо произнести какое нибудь изъ словъ, наименовающихъ будничную работу, то, наивно вѣря въ силу слова, отъ котораго можетъ де приключиться какая нибудь напасть человѣку, прибавляли: „не тенерь вамъ кажучи: ступа...“ (подобно тому, какъ великороссы приговариваютъ: „не здѣсь будь сказано: на вѣтеръ слово молвлено“ *).

*) Впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ и понятъ поселяне бояться называть нѣкоторые предметы собственными ихъ именами въ той суевѣрной увѣренности, что самыя имена эти могутъ накликасть на нихъ бѣду. Таковы, напр., дьяволъ, змѣя и волкъ, о которыхъ крестьяне говорятъ въ третьемъ лицѣ: «виць», «зона», или «той», «та», а змѣю называютъ иногда «кузкой» («Наст. Соб.» 1901 г. № 4-й)

Затѣмъ, крестьяне говорятъ -- хотя нерѣдко и даромъ: „знаемъ и безъ попа, шо въ недилю свято“, но если при этомъ въ воскресный день они считаютъ грѣхомъ молотить или вѣять, то отчасти въ силу повѣрья, что тогда „пыль або й полова летать ажъ до Русалыма“. Слѣдуетъ также добавить, что изъ всѣхъ воскресныхъ дней первая „недилья“ въ мѣсяцѣ пользуется особымъ почитаніемъ простолюдина, который тогда и молится усерднѣе и, увидѣвъ впервые появившійся на небѣ новый мѣсяць, считаетъ долгомъ сказать слѣдующее:

Милый мисячку, на нови.

Ты маешь рогы на голови.

Нехай мени буде на здоровьи,

Що ты, мисячку, на нови.

Остается лишь упомянуть о томъ, что народныя праздники, заключаая въ себѣ много поэзіи, оказывали раньше серьезное воспитательное вліяніе (въ смыслѣ смягченія нравовъ) на характеръ сельскаго населенія, всецѣло поглощеннаго физическимъ трудомъ. Но наше время -- увы! -- не удержало за народными праздниками старинной простоты и искренняго, чистаго веселья. Теперь, когда даже въ глуши отдаленныхъ селъ и деревень зачастую не нужно бываетъ „ни скрипки, ни цимбалъ“, чтобы крестьяне „зробылы соби балъ“, когда веселый духъ народный уже болѣе или менѣе тронуть трактирной цивилизаціей, много невинныхъ традиціонныхъ развлеченій деревни совсѣмъ уничтожилось и на смѣну ихъ явились развлеченія другого свойства, которыя нежелательны во всѣхъ отношеніяхъ.

І. Гал—скій.

Страничка изъ жизни духовно-учебныхъ заведеній Полтавской епархіи въ срединѣ прошлаго (19-го) столѣтія.

(Окончаніе).

Попадались въ Переяславскомъ училищѣ учителя и не высокой пробы, какъ, напр., учитель I-го класса (Падалка), полусумасшедшій, приходившій въ классъ иногда съ гармо-

никой, на которой въ классѣ же и наигрывалъ; но учителя, слушателемъ которыхъ былъ Андрей Михайловичъ, были на высотѣ своего положенія и потому Андрею Михайловичу приходилось выносить трудности своего положенія: нужно было сживаться съ школьною обстановкой, привычки къ которой у него не могло образоваться дома, и итти въ уровень съ требованіями учителей, иногда по предметамъ совершенно новымъ для Андрея Михайловича. Такъ, напр., величайшую трудность въ первый годъ представляли для него уроки пѣнія, съ непонятной номенклатурой и чередованіемъ звуковъ «уть-ре-ми». Какъ извѣстно, въ то время въ училищахъ (а также и въ I-ую половину I-го года въ семинаріи) были аудиторы, призванные слѣдить за успѣхами порученныхъ имъ учениковъ въ классѣ. Аудиторъ бывший у Андрея Михайловича, одинъ изъ лучшихъ учениковъ, Рознатовскій, постоянно изъ пѣнія отмѣчалъ *ne scit* и очень рѣдко *egabat*. Изъ-за пѣнія Андрей Михайловичъ, не могъ перейти въ 3-й классъ въ 1-мъ разрядѣ: онъ былъ переведенъ 9-мъ во 2-мъ разрядѣ, хотя, какъ отличный чтець, съ хорошей дикціей, онъ выбранъ былъ для публичнаго экзамена, бывшаго въ присутствіи архіерея, Архіепископа Гедеона.

Сохранилась въ памяти Андрея Михайловича сценка, показывающая, какъ отнеслись къ успѣхамъ А. М. его родители.

«Привозила меня въ духовное училище съ каникулъ и брала домой на каникулы бабушка по матери, Анастасія. Когда я перешелъ въ 3 классъ, я явился домой въ веселомъ настроеніи, вскочилъ въ комнату съ батожкомъ (кнутомъ) и хлопнулъ имъ по полу; полъ былъ земляной, поднялась пыль. Меня за это выбрали, такъ какъ я при этомъ еще разбудилъ спавшаго въ висячей люлькѣ ребенка, моего меньшого брата. Еще больше я опечалился, когда на вопросъ отца, въ первомъ ли я разрядѣ, я отвѣтилъ, что перешелъ во второмъ разрядѣ. Я расплакался, но отецъ утѣшилъ: «поправишься».

Въ 3-мъ классѣ у Андрея Михайловича, вѣроятно вслѣдствіе накопленія однородныхъ впечатлѣній, какъ-то вдругъ прояснились темныя прежде „уть-ре-ми“ и онъ былъ отличенъ, какъ знатокъ пѣнія, учителемъ пѣнія, священникомъ о. Даниломъ Бутовскимъ, бывшимъ впослѣдствіи кафедральнымъ протоіереемъ въ гор. Полтавѣ. Тогда съ 4-й парты

лѣвой стороны класса, гдѣ сидѣлъ Андрей Михайловичъ, какъ занимавшій мѣсто во 2-мъ разрядѣ, былъ пересаженъ онъ на 1-ую парту правой стороны класса, гдѣ сидѣли лучшіе ученики. Дѣло въ томъ, что въ 3-мъ классѣ ученики были рассажены такъ, что съ правой стороны отъ входа въ классъ было 4 скамьи, разставленныхъ въ два ряда, а по лѣвую сторону масса скамей, гдѣ сидѣло отъ 60 до 80 учениковъ. Андрей Михайловичъ былъ пересаженъ на правую сторону класса, т. е. къ лучшимъ ученикамъ. На лѣвой же сторонѣ помѣщались и такъ называемые камчадалы, т. е. отъявленные лѣнтяи: для нихъ предназначались самыя послѣднія скамьи, примыкавшія къ задней стѣнѣ класса. (Мѣстничество по уму въ старой бурсѣ крѣпко наблюдалось). Отодвинувъ свои скамьи отъ стѣны, они въ образовавшемся свободномъ пространствѣ расаживались на полу и играли въ карты, бабки. Съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Михайловичъ былъ пересаженъ на уроки пѣнія на 1-ую парту въ число лучшихъ учениковъ, его реноме въ классѣ поднялось на столько, что каждый разъ на урокахъ пѣнія Андрей Михайловичъ вызываемъ былъ пѣть „надальше“, къ слѣдующему уроку экспромтомъ по нотамъ и по верхамъ (т. е. со словами).

Первые два урока были до обѣда, а 3-й послѣ обѣда, на которомъ въ 1 и 2-мъ классахъ занимались чистописаниемъ или пѣніемъ, а въ 3 и 4-мъ письменными упражненіями по латинскому и греческому языку или тоже пѣніемъ. Послѣ-обѣденныя занятія тяжело отзывались на А. М.—чѣ и потому они не были успѣшны. Первый ребенокъ нуждался въ отдыхѣ, а его не было, почему нервы еще болѣе расшатывались. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ А. М.: „Я уже сказалъ, что отецъ мой не ѣздилъ въ Переяславъ, а возила туда меня и старшаго брата Василия бабушка. Жили мы на квартирѣ у профессора семинаріи, протоіерея Константина Петровича Андреевскаго. Бывало братъ уйдетъ въ гости, а я одинъ остаюсь въ его комнатѣ (мы спали отдѣльно отъ остальныхъ, надъ которыми онъ былъ поставленъ старшимъ). Чѣ мерещатся разные ужасы, мертвецы и т. д., особенно, когда одинъ изъ сосѣдей по квартирѣ утонулъ въ р. Трубежѣ. Меня пугали утопленникомъ, когда мнѣ приходилось одному оставаться, говорили: „онъ-онъ-лизе“ (вонъ-вонъ лѣзетъ), т. е. утопленнкъ. При такой

нервной разстроенности, ничего не было удивительнаго въ томъ, что у Андрея М., не смотря на его громадныя способности, была въ 3-мъ классѣ одна загвоздочка, весьма безпокоившая Андрея Михайловича и чуть было не причинившая ему большой бѣды.

Изъ древнихъ языковъ греческій дался Андрею Михайловичу легко, но латинскій былъ для него труднымъ; особенно трудными казались латинскія сочиненія. Учитель Рудаковъ, пьяница, нерѣдко наказывалъ Андрея Михайловича стояніемъ на колѣняхъ. Въ сердцахъ онъ частенько прикрикивалъ на учениковъ: „ощиплю какъ курченка“; иногда подъ его руками уши учениковъ скручивались весьма некартинно. Купилъ разъ на базарѣ Андрей Михайловичъ каменную лисичку (игрушку), которую онъ и показывалъ на урокѣ латинскаго языка своимъ товарищамъ. Рудаковъ замѣтилъ, разсердился и выдралъ за уши виновника безпорядка. Но это еще полбѣды. Какъ-то разъ Андрей Михайловичъ дурно написалъ латинское упражненіе. Принести въ классъ это упражненіе смотритель училища, дѣлаетъ выговоръ Андрею Михайловичу за дурно написанную работу, а затѣмъ обращается къ Андрею Михайловичу приблизительно съ такими словами; „пошелъ вонъ изъ класса, ты не принадлежишь къ Полтавскому округу (слѣд., не имѣешь права воспитываться въ Переяславскомъ училищѣ. — такъ надо понимать эти слова); ступай въ Лубенское училище“.

Андрею Михайловичу не оставалось ничего другого сдѣлать, какъ исполнить волю Діомидова, и онъ вышелъ изъ класса, конечно, съ тѣмъ, чтобы уже больше не возвращаться, какъ того требовалъ Діомидовъ.

Чтобы понять поступокъ Діомидова (или Діова, какъ прозвали его ученики за то, что онъ подписывался Ді-овъ)—приходится сказать нѣсколько словъ объ этой личности. Онъ былъ большой взяточникъ, но любилъ маскировать свой порокъ. Если бывало, привезетъ ему батюшка или матушка какойнибудь подарочекъ, напр., бутылку вина или наливки, Діомидовъ какъ будто въ сердцахъ беретъ это приношеніе и бросаетъ его за окно со словами: «И зачѣмъ только вы все это возите мнѣ!» Но посудина никогда не разбивалась въ такихъ случаяхъ, такъ какъ она попадала въ погребъ, на эти случаи всегда открытый и тщательно устланный соло-

мою. Погребъ находился прямо противъ окна пріемной комнаты и промаха Діомидовъ никогда не дѣлалъ.

Пороки пачальствующихъ, конечно, были всего болѣе извѣстны ученикамъ. Всякая, болѣе или менѣе пикантная, исторія, разносилась въ бурсѣ не менѣе быстро, чѣмъ въ наше время въ городѣ любая сплетня. Про Діомидова рассказывали такую исторію, разомъ характеризующую и черствость его натуры и его алчность.

Привезъ священникъ своего сына, чтобъ опредѣлить его въ училище, и, конечно, явился къ Діомидову. Послѣ обычныхъ первыхъ привѣтствій Діомидовъ спрашиваетъ, зачѣмъ его превелебіе (т. е. батюшка) пожаловалъ къ нему. „Сына привезъ вамъ сына“, сказалъ батюшка, выговаривая „ы“ въ словѣ сына „такъ мягко, что это слово сошло за другое слово, за сѣно“, такъ какъ по украински слово «сѣно» выговаривается, какъ „сина“.

„Сина привезли мнѣ, батюшка? Гм. Сидоръ, а Сидоръ! подбавь огня въ самоваръ. — Что же у васъ большой нынче урожай, что вы и мнѣ привезли?“.

— „Сина, привезъ, сына“, яснѣе выговаривалъ батюшка неправильно понятое смотрителемъ слово.

— „Сына?.. Сидоръ, а Сидоръ!“ — произнесъ уже совсѣмъ другимъ тономъ смотритель: „закрой самоваръ“.

Такъ вотъ къ этому-то смотрителю, очевидно, надлежало являться родителямъ учениковъ не съ пустыми руками. Между тѣмъ отецъ Андрея Михайловича не только Діомидову не привозилъ подарочковъ, но даже и совсѣмъ къ нему не являлся, такъ какъ въ училище послѣ каникулъ Андрея Михайловича привезла бабушка его, а не отецъ. Между тѣмъ Діомидовъ зналъ о зажиточности отца Андрея Михайловича и онъ обрадовался, когда представился удобный случай показать отцу свою силу, а пожалуй и нѣкоторую долю мстительности.

Очувившись за стѣнами училища, Андрей Михайловичъ, естественно, явился къ брату съ глазами, полными слезъ, и въ угнетенномъ состояніи духа. Василій Михайловичъ обратился сейчасъ же съ ходатайствомъ къ ректору Семинаріи, архимандриту Феофилу, не долюбливавшему Діомидова. Ректоръ успокоилъ брата, объяснивъ ему, что по существу ющимъ правиламъ младшіе братья семинаристовъ имѣютъ

право обучаться въ духовномъ училищѣ въ томъ же городѣ, гдѣ и семинарія, состоя, такъ сказать, при братьяхъ своихъ.

„Напишите въ Правленіе семинаріи въ нѣсколькихъ строкахъ прошеніе и подайте мнѣ“, сказалъ въ заключеніе ректоръ: „мы предпшемъ смотрителю держать вашего брата въ Переяславскомъ училищѣ. „Въ то время духовныя училища были въ полной зависимости отъ семинарскаго правленія, подобно тому, какъ семинаріи были въ зависимости отъ окружнаго академическаго правленія.

Прошеніе было подано, предписаніе было сдѣлано, но Діомидовъ все же не призывалъ Андрея Михайловича въ училище. Тогда ректоръ семинаріи, провѣдавъ объ этомъ, посоветовалъ брату Андрея Михайловича сходить къ Діомидову и лично попросить Діомидова о принятіи Андрея Михайловича въ училище. Василій Михайловичъ такъ и сдѣлалъ. Въ отвѣтъ на просьбу Діомидовъ сказалъ: „пусть ходитъ“, и Андрей Михайловичъ сталъ попрежнему посѣщать 3-й классъ Переяславскаго духовнаго училища. Очень можетъ быть, что только настойчивость ректора семинаріи отвратила отъ головы Андрея Михайловича серьезную неприятность.

Остается теперь объяснить вниманіе о ректора семинаріи къ судьбѣ Андрея Михайловича. Дѣло въ томъ, что въ то время Василій Михайловичъ былъ лучшимъ ученикомъ въ семинаріи. Какъ лучший ученикъ, онъ былъ полезенъ семинаріи, потому что исполнялъ обязанности старшаго ученика. Старшими учениками могли быть только лучшіе ученики богословскаго и на второмъ году философскаго класса. Имъ дозволялось занимать помѣщенія на дозволенныхъ начальствомъ семинаріи квартирахъ, принимать къ себѣ возможное по объему квартиры число учениковъ, входить съ родителями учениковъ въ соглашеніе по содержанію ихъ столомъ, а иногда и ренитированію ихъ. Старшій ничего не вносила за себя хозяину квартиры ни за столъ, ни за квартиру. Таково было условіе старшихъ съ хозяевами, что деньги за наемъ для семинаристовъ квартиры, по особой раскладкѣ, вносили ученики. Хозяинъ обязанъ былъ за деньги отапливать квартиру и готовить пищу изъ матеріаловъ, доставляемыхъ хозяину старшимъ. Такимъ образомъ, на обязанности старшихъ лежала забота о прокормленіи всего числа его квартирантовъ. Для этого старшій вхо-

диль въ условіи съ родителями учениковъ, обязывая ихъ, кромѣ пзвѣстнаго количества денегъ, вносить еще содержаніе натурою, какъ-то: извѣстное количество ржаной муки, пшена, крупъ гречневыхъ, масла, сала, олеи, грибовъ. Мясо же и рыба покупались на деньги, что вносились родителями учениковъ въ такъ называемую харчевню складку. Какъ одинъ изъ старшихъ, Василій Михайловичъ извѣстенъ былъ начальству съ лучшей стороны, что и вызвало заступничество начальства семинаріи за брата Василія Михайловича.

Василій Михайловичъ, старшій братъ Андрея Михайловича, былъ старшимъ на квартирѣ протоіерея Константина Петровича Андреевскаго. Жена Андреевскаго умерла въ канікулярное время отъ холеры. Андреевскій сильно тосковалъ и черезъ полгода умеръ на Рождественскихъ святкахъ.

Послѣ успѣшнаго переходнаго экзамена въ 4-й классъ Андрей Михайловичъ „выглядывалъ подводу“. Еще издали завидѣвъ отца, который первый разъ самъ пріѣхалъ за своими дѣтьми въ Переяславъ, онъ подбѣжалъ къ нему и съ торжествомъ сообщилъ, что онъ перешелъ въ 4-й классъ въ 1-мъ разрядѣ и что брата, Василія, посылають на казенный счетъ въ Академію.

Эта подробность интересна потому, что и въ этотъ разъ, когда отецъ самолично явился за сыномъ; Діомидовъ ничего не получилъ. Что Діомидовъ затаилъ чувство недоброжелательства къ Андрею Михайловичу изъ-за этого именно, доказываетъ слѣдующій фактъ. 7 лѣтъ спустя (тогда Андрей Михайловичъ былъ уже въ семинаріи) Діомидовъ получилъ знаки ордена Анны III степени. Пошли поздравлять Діомидова его любимцы: Харисимъ Орда, оба Честивѣйшіе (Стефанъ и Василій), оба Ержшковскіе (Иванъ и Григорій), еще нѣсколько учениковъ Діомидова, и Андрей Михайловичъ. Когда подошелъ съ поздравленіемъ Орда, Діомидовъ произнесъ: „А, это нашего поля ягода, у насъ учился“. Когда же подошелъ Андрей Михайловичъ и назвалъ свои фамилію, Діомидовъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ его и съ выраженіемъ неудовольствія въ лицѣ произнесъ: „Не помню что-то“.

Миновать Лубенскаго училища все таки не удалось Андрею Михайловичу,

Хотя изъ 3-го класса въ 4-й Андрей Михайловичъ не-
решель уже въ 1-мъ разрядѣ, но оставаться въ Переяслав-
скомъ училищѣ уже нельзя было, потому что братъ его,
Василій Михайловичъ, окончилъ уже семинарію (и въ слѣ-
дующемъ учебномъ году поступилъ въ Кіевскую академію),
слѣдовательно, нужно было переводиться въ Лубенское учи-
лище, къ округу котораго относился причтъ м. Хомутца.
Изъ товарищей по Переяславскому духовному училищу въ
памяти Андрея Михайловича остались---Харисимъ Орда (впо-
слѣдствіи Ириней епископъ), два Ержшковскихъ, Иванъ и
Григорій, два Честнѣйшихъ, Стефанъ и Василій, Петръ
Евсевскій,

Весело были проведены Андреемъ Михайловичемъ эти ка-
никулы: тѣмъ непріятнѣе показалось послѣ того пребываніе
въ Лубенскомъ духовномъ училищѣ, жизнь котораго рисуется
въ болѣе мрачныхъ образахъ, чѣмъ жизнь Переяславскаго
духовнаго училища.

Около 15 Августа Василій Михайловичъ съ бабушкой
поѣхаль въ Кіевъ, а Андрей Михайловичъ оставался дома
до 1-го Сентября. Изъ Кіева бабушка пріѣхала не совсѣмъ
здоровою и не могла Андрея Михайловича отвезти въ Лубны;
тѣмъ болѣе ей неудобно было везти его, что тогда разнес-
лась молва, что инспекторъ Лубенскаго училища, соборный
іеромонахъ Поликарпъ, требуетъ, чтобы отцы самолично
привозили дѣтей своихъ въ бурсу.

Отцу Андрея Михайловича хотѣлось повидаться съ смот-
рителемъ училища, о. Михаиломъ Бернадскимъ: въ домѣ, гдѣ
помѣщалась смотрительская квартира, пансіонеромъ жилъ
старшій братъ Андрея Михайловича, Василій Михайловичъ,
еще когда тотъ учился въ Лубенскомъ училищѣ, поэтому
у отца А. М. сохранились со смотрителемъ училища хоро-
шія отношенія. И вотъ, такимъ образомъ, обстоятельства
сложилась такъ, что Андрея Михайловича повезъ въ уч-
лище самъ отецъ.

Отецъ явился сначала съ А. Мих. къ смотрителю учи-
лища, потомъ къ инспектору, о. Поликарпу, кажется, Виш-
невскому (воляныку, по происхожденію).

Что былъ за человекъ о. Поликарпъ, можно видѣть изъ
статьи Бѣловольскаго „Дѣятель старой бурсы“ (Кіевская
старина, 1904 г. іюль-августъ). Но въ этой статьѣ много

такого, что для многихъ, быть можетъ, въ нашъ гуманный, сравнительно, вѣкъ покажется невѣроятнымъ. Поэтому, чтобы, такъ сказать, дополнить очеркъ Бѣловольскаго, мы возможно подробнѣе обрисовываемъ тактику о. Поликарпа въ тотъ годъ его дѣятельности, когда, наконецъ, сдѣлалось яснымъ, что это ненормальный человѣкъ и что дальше терпѣть его въ учебномъ заведеніи нельзя. Первый годъ пребыванія Андрея Михайловича въ Лубенскомъ училищѣ (1849—50 уч. г.) былъ предпоследнимъ годомъ пребыванія тамъ о. Поликарпа, соборнаго іеремонаха. Поликарпъ не особенно долго служилъ въ Лубенскомъ училищѣ. Раньше онъ служилъ инспекторомъ же въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ, упоминаетъ о немъ протоіерей Григорій Лисовскій въ своемъ „Историческомъ обзорѣ Полтавскаго духовнаго училища“ (см. № 28, 13 Эк. стр. 1185), рассказывая о попыткѣ Поликарпа въ 1841 году воспользоваться монастырскими зданіями для цѣлей училища. Въ 1844-мъ году онъ уже былъ въ Лубенскомъ училищѣ.

О. Поликарпъ не чуждъ былъ нѣкоторой доли лихоимства: у него былъ въ то время обычай, чтобы всѣ своекоштные четвертокласники были у него въ репетиціи, за что родители учениковъ обязаны были вносить 10 руб. серебромъ въ годъ, по тому времени сумма не малая (цѣнность этихъ денегъ на современный счетъ выразится въ формулѣ $10 \times 10 = 100$). Уплативъ о. Поликарпу 10 рублей, отецъ Андрея Михайловича нанялъ для сына квартиру въ домѣ Алексѣя Васильевича Ступки (дальняго родственника Андрея Михайловича, сестра его Анна была замужемъ за священникомъ Іосифомъ Михайловичемъ Гордѣнкомъ, племянникомъ по женѣ Алексѣя Васильевича Ступки) и уѣхалъ домой. Этотъ домъ находился близко отъ бурсы: всего черезъ дорогу нужно было перейти и свернуть за уголъ.

Начался учебный годъ. Своимъ порядкомъ былъ отслуженъ молебень; пѣлъ училищный хоръ, который составлялъ собою правый клиросъ. Лѣвый клиросъ составляли нѣсколько учениковъ училища и басы слѣпцы, жившіе въ Богоугодномъ заведеніи, которое находилось вблизи училищнаго двора, гдѣ жилъ смотритель (но не бурса). Въ этомъ благотворительномъ учрежденіи слѣпцы исполняли искусно ручныя работы (напр., плели корзины, дѣлали клѣтки для птицъ), а одинъ изъ тѣхъ, что ходили пѣть на лѣвый клиросъ, ослѣпшій уже въ зрѣломъ возрастѣ, отличался замѣ-

чательною памятью. Онъ любилъ читать апостола въ церкви и, такъ какъ онъ обладалъ громадною памятью, то, обычно, передъ церковью одинъ изъ учениковъ читалъ ему апостольское чтеніе, какое полагалось читать по уставу, и вотъ, потомъ, во время богослуженія, слѣпецъ выходилъ съ книгой на середину церкви и, держа ее въ рукахъ для виду, громогласно читалъ апостола на—изустъ. Уставщикомъ въ то время былъ Андрей Феодоровичъ Гуляницкій, впослѣдствіи епископъ Аккерманскій.

Андрей Михайловичъ въ Переяславѣ участвовалъ въ семинарскомъ хорѣ, пѣлъ тамъ дискантомъ. О. Поликарпъ узналъ объ этомъ и предложилъ ему поступить на правый клиросъ. Произошло это въ первое же субботнее вечернее богослуженіе, какое случилось послѣ утренняго молебна. Обычно въ церковь ходили въ орденахъ (*ordo inis* — порядокъ), т. е. выстроеными попарно въ ряды, для чего всѣ ученики собирались во дворѣ, гдѣ жилъ смотритель, и гдѣ помѣщалась церковь и тамъ старшіе разставляли всѣхъ въ ордена. Вотъ въ это-то время, когда Андрея Михайловича ставили въ ордена, пришелъ ученикъ объявить ему распоряженіе инспектора, чтобы онъ шелъ на клиросъ.

Уже это распоряженіе показывало, что хозяиномъ въ церкви чувствовалъ себя инспекторъ. Потомъ Андрею Михайловичу пришлось не разъ убѣдиться, что о. Поликарпъ позволялъ себѣ въ церкви третировать смотрителя и грубо обращаться съ пѣвчими.

Во время чтенія великопостнаго канона,, напр., онъ позволялъ себѣ, стоя въ алтарѣ, громко замѣчать по адресу смотрителя, читавшаго канонъ: «не такъ» ., или— «брешешь, слипа собака», когда смотритель ошибался. О. Бернадскій, болѣвшій глазами, былъ къ тому же и близорукъ, носилъ синіе очки.

Разъ о. Поликарпу показалось, что хоръ вмѣсто погребенна, спѣлъ погребенна въ символѣ вѣры.— «Погребенна, сукинъ сынъ, становись на коліна», слышалась команда изъ алтаря по адресу хора, который сейчасъ же весь сталъ на колѣни.

У о. Поликарпа была привычка всѣмъ говорить ты, хотя бы тѣхъ, къ кому онъ обращался, было нѣсколько человекъ. Вообще, онъ любилъ поправлять всѣхъ, придерживаясь славянской грамматики. Если ученикъ, напр., говорилъ второго,

на ученикахъ. Когда въ понедѣльникъ, слѣдовавшій за воскресеніемъ, въ которое ученики 4 класса А. Марк. П. и Н. П. были посвящены въ стихарь, въ 4-мъ классѣ насталь урокъ о. Поликарпа; онъ по прочтеніи молитвы, обратился къ классу съ такими словами: „Сядысь, а въ насъ есть святѣ“. Назвавъ затѣмъ двухъ посвященныхъ въ стихарь учениковъ по именамъ, онъ спросилъ. „Хто васъ пославъ святитыся?“ — „О, смотритель“, отвѣтили безъ вины виноватые. — „А ну, иды до доски“. — Тѣ подошли къ доскѣ. «Ну мы теперь посвятымъ; роздывайся», scomандоваль о. Поликарпъ. Тѣ стали раздѣваться и хотѣли уже итти на середину класса, чтобы лечь подъ розги, приготовившись къ экзекуціи. — «Пожды, пожды», сказалъ о. Поликарпъ. Тѣ, какъ были приготовившись къ сѣченію, такъ и остались. Тогда о. Поликарпъ приказаль всѣмъ ученикамъ кланяться имъ и самъ первый подаль примѣръ, сбросилъ клобуковую (простую монашескую) камилавку, онъ сказалъ: „воны теперь святѣ, будемъ имъ кланяться“, и поклонилъ. Такіе же самыя поклоны должны были продѣлать всѣ ученики 4 класса, и тогда только о. Поликарпъ произнесъ: „а теперь мы посвятымъ, ляговысь“; послѣдовало сѣченіе.

Осенью ждали проѣзда Государя Императора Николая I. По мнѣнію о. инспектора необходимо было приготовиться къ приему Государя Императора и вотъ о. Поликарпъ замыслилъ привести въ исполненіе свои намѣренія и показать муштру. Ближайшимъ поводомъ къ тому послужило отысканіе у пѣкоторыхъ учениковъ табакерокъ. Пожелалось о. Поликарпу узнать, кто еще нюхаль табакъ.

Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ живой свидѣтель этихъ дѣйствій о. Поликарпа Андрей Михайловичъ. — «Существовало правило, — въ какое бы время дня и почи въ училище ни зазвонилъ звонокъ, чтобы всѣ, и квартирныя, немедленно собирались въ училище. Въ осеннее время, въ воскресный день слышимъ послѣ обѣда звонокъ. Собрались, расмѣстились по классамъ. Ученики 4 класса помѣщались уже въ особомъ помѣщеніи, которое называлось залой; въ IV-мъ классѣ въ то время учениковъ было очень много, такъ и перевели насъ поэтому въ залу.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого входитъ инспекторъ, „соборный іеремонахъ Плирпъ“ (такъ онъ подписывался), послѣдовала команда: „на колина!“. Стали. „Вста-

вай? — встали. „Руки на парту!“ (стоя) — положили. „Руки по швамъ!“ (сдѣлали это). Послѣдовако разъясненіе: „Государь Императоръ буде ихаты черезъ Лубны, такъ щобъ ты знавъ муштру“. Садысь. Сѣли.

Вызвавъ человекъ 4 — 5 учениковъ 4 класса, онъ приказалъ отправиться въ другіе классы и произвести осмотръ, узнать „кто нюхаетъ табаку“. „А якъ ты долженъ це зробыты, онъ покажутъ Григоровичъ Василій и №. Осмотры своихъ товарищей“. Григоровичъ и № подходятъ къ каждому ученику, берутъ за носъ товарищей и, подставляя руку, приказываютъ: „сякай“ (высморгаться на руку). Сіе они показываютъ инспектору, не видно ли табаку. „Оттакъ зроби скрызъ по классамъ“. 3 человекъ ушло въ другіе классы, а 2 стали осматривать своихъ товарищей, четвертоклассниковъ. Кто найденъ нюхающимъ и у кого нашлись нюхательныя принадлежности, такіе (найденно было совсѣмъ мало, не больше 2-хъ) были отправлены на большое крыльцо, что ведетъ на улицу, на то крыльцо, на которомъ такъ сильно драли, по разказу Бѣловольскаго въ статьѣ, „Дѣятели старой бурсы“, что женщина не выдержала и сказала: „якъ вамъ не грихъ, якъ не стыдно мучить такъ дитей!“ См. „Кіевск. старину“, июль---авг. стр. 170). А еще прежде чѣмъ мы собрались въ школу по классамъ, уже на крыльцѣ мы видѣли стоящими на колѣняхъ А. О. Г—цкаго и Василя З---а. Когда осмотръ кончился, приказано было, чтобы ученики всѣхъ классовъ шли изъ классовъ на большое крыльцо, приче́мъ казеннокоштные должны были пройти черезъ большое крыльцо на улицу и возвратиться другимъ входомъ (черезъ черныи ходъ) въ зданіе (черезъ ворота), а квартирныя по домамъ. Каждый долженъ былъ наступить своими погами на то, что будетъ разложено на крыльцѣ. Тутъ только сдѣлалось намъ понятнымъ, почему Г. и З---ъ стояли на крыльцѣ на колѣняхъ. У нихъ самимъ инспекторомъ еще до нашего собранія было найдено по табакеркѣ. Оказалось, что мы должны были ступать на три табакерки, разложенныя подрядъ на разстояніи шага одна отъ другой.

Къ числу оригинальныхъ мѣръ содѣйствія къ развитію усердія у лѣнливыхъ, употреблявшихся Поликарпомъ, надо отнести „хождение на городскіе вѣсы“. Они были довольно далеко отъ бурсы, въ центрѣ города и къ нимъ лѣнливые отправлялись въ особенной процессіи. Всѣхъ лѣнливыхъ вели

къ городскимъ вѣсамъ въ сопровожденіи дежурныхъ (хорошихъ учениковъ IV класса). Надо различать два періода хожденія къ вѣсамъ. Въ первое время, о которомъ А. М. слыхалъ только, Поликарпъ водилъ лѣнвивыхъ, нарядивъ ихъ въ шапки, подъ названіемъ „ослиныя уши“ и въ сопровожденіи конвоя изъ дежурныхъ съ палками въ рукахъ вмѣсто ружей. „Ослиныя уши“ дѣлались изъ сахарной синеи бумаги; они представляли родъ митры съ высоко торчащими съ боковъ вырѣзками, изображавшими ослиныя уши. Въ періодъ пребыванія А. М. въ Лубенскомъ училищѣ лѣнвивые шли безъ дурацкихъ колпаковъ; ихъ сопровождали дежурные, но безъ палокъ: въ первомъ ряду дежурный и лѣнтый, и въ послѣднемъ дежурный и лѣнтый. Взвѣсивъ лѣнтяевъ на городскихъ вѣсахъ, опредѣляли число фунтовъ въ каждомъ; по числу фунтовъ потомъ давали лѣнтямъ столько же ударовъ лозой.

Одинъ лѣнтый, Яшка Діателовичъ, допускавшій къ тому же нерѣдко дисциплинарныя проступки, довелъ Поликарпа до высшей степени раздраженія, почему онъ распорядился бросить его въ провалѣ, что было за училищнымъ дворомъ „бурсы“.

Лубенское училище распалось на два корпуса: бурсу и пансіонъ. Въ бурсѣ, гдѣ жилъ инспекторъ и которая помѣщалась почти въ концѣ города, жили казеннокоштные; смотритель училища и пансіонеры, т. е. своекоштные воспитанники, жили въ городѣ въ другомъ корпусѣ, недалеко отъ богоугодныхъ заведеній, гдѣ была и училищная церковь.

Распорядившись, чтобы Діателовича снесли въ провалѣ, инспекторъ не пошелъ посмотреть, точно ли исполнили его волю. Діателовичъ выпрыгнулъ съ носилокъ, прежде чѣмъ дошли къ провалю. На вопросъ инспектора, исполнили ли его приказаніе, конечно, отвѣтили, что исполнили; на вопросъ, гдѣ онъ дѣвался, отвѣтили: „побигъ“. Быть можетъ, Поликарпъ заподозрилъ, что приказаніе не было исполнено въ точности и поэтому онъ задумалъ совершить надъ Діателовичемъ казнь. Сначала онъ распорядился высѣчь Діателовича, потомъ приказалъ: „Бохкаловскій, принеси веревку“. Была сдѣлана петля и надѣта на шею Діателовича: затѣмъ принесли лѣстницу и другой конецъ забросили на крюкъ въ потолокъ, на который вѣшалась лампа. Набросивъ веревку

на крюкъ, конецъ ея спустили такъ, чтобы его доставалъ рукою Бохкаловскій. Время отъ времени инспекторъ приказывалъ: „А ну, пидтяны его“. Когда Діателовичъ поси-нѣтъ, слѣдовала команда: „опусты“.

Все это происходило въ залѣ бурсы. Вдоволь натѣшившись этой операціей, Поликарпъ приказалъ привязать конецъ веревки, спускавшійся съ потолка, къ петлѣ, которая была на шеѣ Діателовича, чтобы Діателовичъ не могъ сѣсть. Затѣмъ принесли небольшой столикъ, поставили на немъ миску съ водой, положили кусокъ хлѣба, словомъ устроили ему то, что называется и теперь въ семинаріи голоднымъ столомъ. Діателовичъ такъ простоялъ до вечера и тогда Поликарпъ разрѣшилъ освободить его. Отецъ Діателовича узналъ объ этомъ, пожаловался начальству, была назначена ревизія и Поликарпъ былъ удаленъ.

Поликарпъ былъ изобрѣтательнымъ въ наказаніяхъ. Одинъ разъ онъ избралъ особый способъ для наказанія провинившихся дежурныхъ: разставивъ въ двѣ шеренги всѣхъ учениковъ, жившихъ въ бурсѣ, на разстояніи всего двора (отъ училищнаго крыльца до провалья), запасшихся предварительно по приказанію Поликарпа, гноемъ изъ училищной ямы, Поликарпъ приказалъ провинившимся дежурнымъ, да заодно уже и не провинившимся, для науки, пройти съ наклоненными головами, между двумя шеренгами учениковъ сыпавшихъ на нихъ навозъ изъ своихъ запасовъ.

Когда послѣ смерти преосвященнаго Гедеона для ревизіи училища былъ присланъ инспекторъ Полтавской семинаріи игуменъ Рафаиль (впослѣдствіи ректоръ Волынской духовной семинаріи, бывшей тогда еще въ Кременцѣ). Поликарпъ почувствовалъ шаткость своего положенія и заболѣлъ горячкой. Еще въ началѣ своей болѣзни Поликарпъ призывалъ къ себѣ хоръ училищныхъ пѣвчихъ и приказывалъ имъ пѣть похоронное „Святый Боже“. „А ну, якъ вы будете спивать, я мене будуть несты“, говорилъ онъ при этомъ и бралъ къ себѣ на колѣни пѣвшаго дискантомъ Андрея Михайловича, который со страху едва удерживался отъ слезъ. Это было въ началѣ 2-го учебнаго года Андрея Михайловича въ Лубенскомъ училищѣ.

Когда Поликарпъ серьезно заболѣлъ, его обязанности сталъ исправлять временно о. Григорій Максимовичъ, протоіерей Троицкой церкви. Это мѣсто уготовано было для

Ивана Яковлевича Максимовича, сына соборнаго протоіеря Іакова Максимовича, окончившаго въ томъ году курсъ академіи и, по протекціи Максимовичей, представлявшихъ изъ себя силу, имѣвшаго занять эту должность. Когда онъ получилъ ее, онъ началъ тѣснить смотрителя училища, Бернадскаго, чтобы занять его мѣсто и, дѣйствительно, добился своего: Бернадскій скоро сошелъ въ могилу, но и Иванъ Яковлевичъ Максимовичъ не долго смотрительствовалъ: скоро его жена осталась вдовой съ малолѣтнимъ сыномъ и тогда его мѣсто занялъ братъ его, Андрей Яковлевичъ, бывший профессоромъ семинаріи и секретаремъ семинарскаго правленія.

Судьба Поликарпа была такова: онъ попалъ въ монастырь, а потомъ въ Кишиневскую Крестовую церковь, гдѣ и умеръ.

Товарищами Андрея Михайловича по Лубенскому училищу были Чернишевскій Петръ, Андрей Марковичъ Пархомовичъ, Василій и Иванъ Григоровичи, Бохкаловскій.

Изъ свѣтлыхъ воспоминаній о Лубенскомъ училищѣ въ памяти Андрея Михайловича удержалось слѣдующее событіе. Съ перваго на 2-й учебный годъ въ 4-мъ классѣ производились экзамены въ присутствіи преосвященнаго Іереміи. Экзамень происходилъ въ липовой аллеѣ, находившейся за зданіемъ, въ которомъ жилъ смотритель и пансіонеры (а не въ бурѣ), между церковью и садомъ богоугодныхъ заведеній. Преосвященный раздавалъ ученикамъ брошюры религіознаго содержанія. Андрею Михайловичу досталась брошюра „Архангеловъ монастырь“.

Жизнь А. М. въ семинаріи, характеристика этой жизни въ связи съ характеристикой преподавателей семинаріи---въ слѣдующей главѣ.

В. Курдиновскій.

Воззваніе къ родителямъ забастовавшихъ семинаристовъ.

Опечаленный неожиданнымъ пріѣздомъ двухъ своихъ сыновей Полтавскихъ семинаристовъ, вслѣдствіе возникшей въ семинаріи забастовки учащихъ до времени удовлетворенія предложенной ими семинарскому начальству петиціи, я обра-

щаюся къ такимъ же опечаленнымъ, какъ и я, отцамъ и матерямъ съ просьбой объединиться и намъ противъ бастующихъ своихъ дѣтей и принять мѣры къ побужденію ихъ немеллепно возобновить прерванныя ими занятія въ семинаріи.

Я больше, чѣмъ увѣренъ, что одни изъ семинаристовъ этой безвременной забастовкѣ не сочувствуютъ, другіе же меньшіе по возрасту и по классу или просто по лѣности увлеклись перспективой „ничего недѣланія“ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ, или же были вынуждены насиліемъ и угрозами стать въ ряды забастовщиковъ и по неволѣ оставить стѣны учебнаго заведенія. Наконецъ, были, несомнѣнно, и такіе, которые даже не сознавали ясно ни цѣли того, что происходитъ вокругъ нихъ, и если только оказались въ числѣ забастовщиковъ, то скорѣе въ силу стадности, чѣмъ въ силу сознательно активнаго участія въ этомъ.

Къ какой изъ указанныхъ категорій можно отнести каждаго изъ забастовщиковъ, сидящихъ теперь, какъ паразиты, на шеѣ своихъ отцовъ и матерей. часто даже бездомныхъ, холодныхъ и голодныхъ вдовъ, это можетъ стать извѣстнымъ отцу или матери при личномъ спросѣ своего забастовавшаго сына семинариста. Лично же мнѣ кажется, что если наши дѣти забастовщики своимъ неблаговиднымъ поступкомъ и безвременнымъ пріѣздомъ въ родительскій домъ и посягнули на наше благополучіе, на наши и безъ того скудныя средства, на наше спокойствіе, тѣ это произошло у нихъ больше по дѣтскому легкомыслію. Нельзя же допустить, что всѣ добрыя сыновнія чувства нашихъ учащихся дѣтей на столько парализованы современной товарищеской средой, что ихъ не бьетъ по нервамъ горе отца, потомъ и кровью обливающегося, чтобы добыть средства для воспитанія своего сына, слезы матери, часто бѣдной вдовы, которая сама перебивается съ хлѣба па воду, терпитъ и холодъ и голодъ, только бы ея сыну семинаристу было хорошо и спокойно въ ея убогомъ и покосившемся домишкѣ, когда пріѣзжаетъ онъ на побывку въ каникулярное время; въ учебную же пору со слезами творить частую молитву о дарованіи сыну успѣха въ наукахъ. чтобы имѣть въ немъ кормильца подъ старость.

Такъ ли онъ платитъ своей матери за слезы и молитвы о немъ, забастовавъ учебой въ самую горячую учебную пору и пріѣхавъ неожиданно домой!..

Пусть же забастовавшіе, но сохранившіе еще въ сердцахъ своемъ страхъ Божій и сыновній долгъ, хоть теперь на досугъ тщательно взвѣсятъ и обдумаютъ свое настоящее положеніе въ современномъ заколдованномъ кругу забастовоекъ, и они ясно увидятъ, что кромѣ горя и слезъ для родителей, ущерба въ полезныхъ знаніяхъ для себя и подрыва во мнѣніи общества о себѣ, какъ о будущихъ усердныхъ дѣлателяхъ на Божьей пивѣ,—они своей забастовкой ничего другого хорошаго не сдѣлали! Уже теперь нашъ сѣрый деревенскій мужичекъ сторонится забастовщика-семинариста, отворачиваясь и проходя мимо ускореннымъ шагомъ *). Пусть забастовщики-семинаристы прежде сами научатся у этого сѣраго мужичка, учителями котораго они готовятся быть впоследствии, что только трудъ, какъ Божій завѣтъ, облагораживаетъ сердце, возвышаетъ умъ, укрѣпляетъ тѣло, даетъ человѣку право на любовь и уваженіе, а забастовавшій воспитанникъ, праздношатающійся, не знающій, куда дѣвать свои силы, свою молодость, заслуживаетъ презрѣнія и внушаетъ страхъ, такъ какъ онъ носитъ на себѣ печать лѣниваго, лукаваго тунеядца!.. А нашъ долгъ родительскій, наша священная обязанность удержать нашихъ дѣтей отъ принятаго ими опаснаго направленія, отрезвить ихъ мысли и довести до сознанія, что они стоятъ теперь не на пути добра и правды, а на пути своеволія и насилій.

Съ своей стороны я предлагаю такую мѣру: пусть каждый отецъ или мать спроситъ своего сына, желаетъ онъ прекратить забастовку и начать ученіе, или же продолжать забастовку? Въ первомъ случаѣ должно быть подано прошеніе въ Правленіе Семинаріи за подписью родителя и сына о возобновленіи занятій въ текущемъ 1905 году съ обязательствомъ отъ учащагося не прерывать таковыя въ теченіе цѣлаго учебнаго года и не возбуждать демонстративно никакихъ новыхъ ходатайствъ, если бы даже поданная петиція по нѣкоторымъ

*), Печальный фактъ съ живущимъ въ деревнѣ забастовавшимъ-семинаристомъ Ж...

пунктамъ или вовсе не была удовлетворена. Нарушившій это обязательство несетъ заслуженное наказаніе безъ всякой защиты со стороны товарищей. Можетъ быть допущена и умѣстна только одна товарищеская просьба передъ начальствомъ съ ручательствомъ отъ товарищей, что прощенный не повторитъ своего поступка, или за повтореніе будетъ удаленъ безъ всякаго снисхожденія. Чтобы каждому изъ насъ не остаться неосвѣдомленнымъ о числѣ воспитанниковъ, желающихъ возобновить теперь же занятія, изберемъ Редакцію „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Я свое желаніе ставлю первымъ за двухъ своихъ сыновей. Срокъ подачи прошеній пусть будетъ двухнедѣльный послѣ выхода № „Епарх. Вѣдом.“ съ означенныгъ моимъ предложеніемъ.

Опечальный забастовкой отецъ,
священникъ *Карлъ Олейниковъ*.

1905 г. 12 сентября
г. Ромны, Полт. губ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ ИКОНОПИСНЫХЪ И ИКОНОСТАСНЫХЪ РАБОТЪ БРАТЬЕВЪ

Л. и М. Погребныхъ

Въ м. Ржищевъ, Кіевской губ. и уѣзда.

Пріемъ заказовъ новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, рамъ, церковной росписи и ремонтировку старыхъ иконостасовъ.

Работы исполняются добросовѣстно, по новѣйшимъ рисункамъ и по самой умѣренной цѣнѣ, такъ какъ наша мастерская находится въ собственномъ домѣ и въ провинціи, гдѣ содержаніе всего обходится значительно дешевле, чѣмъ въ губернскихъ городахъ.

Живопись исполняется по образцамъ лучшихъ художн., какъ-то: Шокурова, Васильева и др.

Имѣется много одобрительныхъ отзывовъ за капитальныя работы изъ разныхъ губерній.

Въ случаѣ надобности дается залогъ въ размѣрѣ 10% стоимости договорной суммы.

БОЛЬШОЙ ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ МАГАЗИНЪ,

складъ КОНТОРСКИХЪ КНИГЪ, канцелярскихъ, учебныхъ и
чертежныхъ принадлежностей

ТОРГОВАГО ДОМА

„И. ФРИШБЕРГЪ И С. ЗОРОХОВИЧЪ“

Александровская улица, телеф. № 40.

Поставка для учреждений и школъ.

◆ ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ. ◆

Первое Россійское Страхое Д-во, учр. въ 1827,

Агентство въ г. Полтавѣ (Алек., № 42).

Уполномочено принимать КЪ ЗАСТРАХОВАНИЮ ОТЪ ОГНЯ, дома, фабрики, домашнюю движимость, сельско-хозяйствен. имущества, товары и т. н. СТРАХОВАНІЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ: рабочихъ на фабрикахъ, коллективныя или отдѣльныя, и др. лицъ а также пассажировъ на желѣзнодорожныхъ и водныхъ путяхъ и СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ: на случай смерти, на дожитіе, на получение рентъ въ разныхъ комбинаціяхъ.

Агентъ *И. Л. Фришбергъ.*

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА

„И. ФРИШБЕРГЪ И С. ЗОРОХОВИЧЪ“

ПРИНИМАЕТЪ НА СТРАХЪ ОТЪ ТИРАЖА ПОГАШЕНІЯ

1 Ноября 1905 г.

5% выигр. билеты III займа. Обмѣнъ вышедшихъ билетовъ въ тиражъ производится конторой на мѣстѣ.

**ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ
НА ВЕСЬ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ
САМЫЙ БОЛЬШОЙ МАГАЗИНЪ**

Р. М. Ф О Л О М И Ш А
ВЪ КІЕВѢ,

Подоль, Александровская улица, собст. домъ,

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ

ПРЕЙСЪ - КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

МАГАЗИНЪ

ЛОБАНОВА и К^о

на Александровской ул., въ домъ Фришберга.

Постоянно большой выборъ, ЗОЛОТЫХЪ, СЕРЕБРЯНЫХЪ
и БРИЛЛИАНТОВЫХЪ вещей, карманныхъ, столовыхъ,
стѣнныхъ и кабинетныхъ часовъ

ИКОНЫ и ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ,

а также мельхіоровыхъ издѣлій разныхъ фабрикъ, ЦѢНЫ
ФАБРИЧНЫЯ съ ручательствомъ за качество товаровъ.

ВЪ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ СКЛАДѢ

СВЯТО-МАКАРЬЕВСКАГО БРАТСТВА

(Мало-Петровская ул., город. домъ, рядомъ съ Токаревой).

Имѣются въ продажѣ въ большомъ выборѣ: кресты, иконы,
св. облаченія, предметы церковной утвари; книги Богослу-
жебныя, религіозно-нравственнаго и историческаго содер-
жанія, учебники и пособія для церковныхъ школь.

Принимается ремонтъ церковныхъ вещей.

Въ Архангело-Михайловской церкви хут. Полузержскихъ, Полтавскаго уѣзда, очень дешево продается старый, но еще очень хорошій трехъ-ярусный иконостасъ, горнее мѣсто и два жертвенника.

Адресъ для писемъ: Полтава, Земская Почта, Полужерское Отдѣленіе, Насгоятелю Архангело-Михайловской церкви.

СОДЕРЖАНІЕ:—I. Наши псаломщики и мѣры къ поднятію общаго уровня ихъ.—II. Журналы постановленій собранія приходскихъ пастырей 3 го округа, Лубенскаго уѣзда.—III. Церковно-историческое и статистическое описаніе Александро-Невской церкви с. Середняковъ.—IV. Въ сельскомъ приходѣ.—V. Страницка изъ жизни духовно-учебныхъ заведеній Полтавской Епархіи въ срединѣ прошлаго (19-го) столѣтія.—VI. Воззваніе къ родителямъ забастовавшихъ семинаристовъ.—VII. Объявленія

Редакторы, преподаватели семинаріи

| В. Конопатовъ.
| В. Терлецкій.

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 20 Октября 1905 г.